

Александр ПШЕНИЧНИКОВ

Приезжайте в Кожаево

Детской библиотеке
г. Никольска от
ИЗОУ „Кожаевская школа“
на дружбу.

26.02.2013г

г. Никольск
2003

Слово от составителя

Александр Платонович Пшениччиков запомнился мне с первых лет работы в школе. На августовском учительском совещании, которое имеет и более серьезное название: августовский педагогический совет, исколыхнула учителей.

На пленарном заседании в первый день - доклад зав. РОНО и прения по этому докладу. Во второй день работы - секционные занятия по профессиям. На заключительном пленарном заседании - отчеты руководителей секций о работе.

Заключительным аккордом под гром аплодисментов - награждения знаками отличия, похвальными грамотами и вручение переходящего знамени, которым отмечалась одна из школ района за лучшую подготовку её к новому учебному году. Такое знамя в 1955 году получил директор Родюкинской семилетки Александр Платонович. На рукопожатие заведующего РОНО ответил: «Знамя не будет переходить. Удержим». Зал огласился шквалом аплодисментов.

Знакомство с этим неординарным учителем продолжалось через районную газету, на страницах которой появлялись рассказы, юморески с авторской подписью: «А. Пшениччиков», а иногда - «Платоныч». 5 октября 1955 года - «Лектор приехал». 19 октября 1955 года - «Иждивенцы».

И в последующие годы Платоныч радовал, смешил, а иногда будил совесть неравнодушных читателей «перцем» фельетонов.

В августе-сентябре 1967 года в «Авангарде» опубликовал первую часть повести «Из записок Александра Югова». Вторую часть обещал читателям, но не успел выполнить этого обещания. Эта часть «Записок» заканчивается смертью отца Пахома. Дочь Александра Платоновича Людмила в краткой биографической справке об отце пишет: «В 1914 году умерли отец и мать. Пятилетний сирота остался на иждивении перодных братьев».

Смерть отца автор «Записок» «перенес» с 1914 на 1917 год, когда в стране велась классовая борьба и бедняк Пахом гибнет от рук «кулаков» на вспаханной им «кулацкой полосе».

В 1970 году Александр Платонович написал воспоминания о Яшине. Даю эти воспоминания с небольшим, но необходимым комментарием.

Совмещение учительских обязанностей с потребностью высказать свое отношение к проблеме народного образования и проблемам сельской жизни было необычайно трудным. Но без такого совмещения не было бы писателя Александра Пшеничникова.

В воспоминаниях о Яшине читатель увидит, какое взаимное влияние оказывали друг на друга два выпускника Никольского педтехникума, два Александра.

Алексей ПАВЛОВ.

29 января 2003 года.

Из биографии моего отца

Пшеничников Александр Платонович родился в 1909 году 31 июля в семье крестьянина-середняка в д. Осиново Осиновского сельсовета Никольского района.

В 1914 году умерли отец и мать, пяти лет остался на иждивении неродных братьев.

В 1917 году начал учиться в 1-ом классе Осиновской школы 1-ой ступени, окончив в 1920 году, перешел в Никольскую семилетку. После окончания семилетки (1923 г.) мечтал учиться в Никольском педагогическом техникуме, но по семейным обстоятельствам, братом, вернувшимся с фронта, оставлен для работы в домашнем хозяйстве. В свободное от работы время готовился для поступления в техникум. Брат был против учебы и сказал: «Иди, но от меня ничего не требуй».

В 1924 году вступил в комсомол.

Недодание и холод привели к больничной койке. После трех месяцев лечения вернулся в техникум, но был оставлен на второй год. С 1926 года техникумом была оказана помощь, благодаря которой закончил его в 1930 году.

После практики вступил в инициативную группу и во время отпуска

райкомом был направлен в колхоз «Каменный» для налаживания учета.

1 сентября 1930 года назначен в качестве учителя в Марковскую школу I ступени, где работал до 1932 года.

Затем заведовал Никольским детским домом № 6.

С 1932 по 1933 г.г. — зав. Путиловской школой I ступени.

С 1933 по 1934 г.г. — зав. Байдаровской школы I ступени.

С 1934 по 1935 г.г. — зав. Филимоново-Гарской начальной школой.

С 1935 по 1938 г.г. — директор Завражской неполной средней школы.

С 1938 по 1939 г.г. — зав. Филимоново-Гарской начальной школой.

С 1939 по 1951 г.г. — директор Родюкинской неполной средней школы.

В 1940 году поступил в Ленинградский государственный педагогический институт. Окончил три курса заочного обучения на географическом факультете.

Член ВКП(б) с 1942 года. Принят как активный общественный работник в колхозах и сельсовете.

За работу награжден медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 г.г.», «За трудовую доблесть», юбилейной медалью «За доблестный труд в ознаменование 100-летия со дня рождения В.И. Ленина».

Неоднократно избирался депутатом.

За время работы в Родюкинской неполной средней школе построил полностью здание семилетней школы, причем постройка стен и возведение крыши школы проведены за счет инициативы населения района.

Умер А.А. Пшеничников 17 ноября 1974 года.

Людмила ПШЕНИЧНИКОВА.

Из записок Александра Югова

Мы с дружкой Васей, опираясь ладонями рук о колени, смотрим на воду, дождями налитую в большое деревянное корыто. Вода отражает бездонную голубизну неба и край застывшего в нем облака.

- Не наклоняйся близко, упадешь и утонешь, - предупреждает меня Вася и немного пятится назад.

Узкое бледноватое лицо его с живыми карими глазами на мгновение исчезает, а потом появляется рядом с моим. Он плюет на ладонь, растирает ею длинные русые волосы и улыбается:

- В стекле я раз себя видел, рядом совсем. Здергалом называется оно. А толста у тебя, Сашка, голова, волосы, как на лошадином хвосте и рябины на роже. Ты с пеплом мой рожу, может, ототрешь.

Дальнейший разбор моей паружности быстро оборвался. Вася вскрикнул, отпрыгнул в сторону, правой рукой начал одергивать рубашку, а левой замахал на подошедшую сзади свинью.

- Рыло-то у псе холодное, по телу она им и провела. Скоро мне мамка штаны сопшет. Тогда свиньям нюхать будет нечего. Давай лучше в лапту играть.

Мячом нам служит комок бересты, обшитый холстиной. Один подбрасывает мяч вверх, а второй ударяет по нему палкой. Не угадавший по мячу теряет право на новый удар, теряет он это право также, если прибежит к мячу последним.

Бегают Вася плохо. Левая нога у него короче и тоньше правой. При ходьбе он наклоняет туловище, а при беге подпрыгивает на одной ноге, размахивает руками и бывает похож на подстреленную птицу, убегающую от преследователя. Чувствуя свое бессилие, он часто садится на землю, гладит иссохшую ногу и упрекает её:

- Бессилая ты. Мамка её испортила, когда я еще на свет не появился.

Лицо его морщится, на глазах появляются слезы. Он вытирает их рукавом рубахи и жалуется:

- Чигаешь ты, Сашка, не в ту сторону, все на свой бок. Бежать-то тебе до мяча ближе.

Мне жаль Васи, и я даю ему возможность завладеть мячом, получить право на удар. Он бьет с силой, и мяч оказывается на крыше нашего дома. Мы взбираемся туда, устраиваемся на верхушке и смотрим кругом.

Кривые улицы деревни нам хорошо известны. Одна начинается у пруда и тянется по пологому скату мимо ключа и старой часовни. Взобравшись на горку, петляет вокруг домов и уходит в поле. Избы черные, кажется, они только что вылезли из болота, начали взбираться на горку, выбились из сил, и, повернувшись в разные стороны окнами, остановились. Вторая улица ведет к мельнице через большую лужу, не

высыхающую даже в летнюю жару, и часть деревни за ней называется Залужьем. Третья теряется в зарослях можжевельника и носит название Вересового починка, а четвертая уткнулась в ямы, из которых берут глину, и за это прозвана Глинками. Мы смотрим за деревню, гадаем и пересказываем слышанное от взрослых.

- Вон, за теми елками есть две деревни, Малишка и Рамешки, - сообщает мне Вася. - Мамка говорит, что они хуже нашей. У них нет часовни, ключа и нищие там все родятся.

- А я церковь вижу, - указываю я в сторону уездного городка. - Там боги живут, свечки горят и ангелы на крылышках летают. Мы с Павлой туда пойдем, молиться будем и ангелов слушать, как они поют.

- А зачем нашу деревню зовут Осинино?

- Наверное, от осины, а может, от осы. Речку-то в поле тоже Осинкой зовут, - гадаю я.

- Наш да ваш дом на самом хорошем месте. Все видно, не то что в Залужье, - утверждает Вася и улыбается.

- А пошел бы ты жить в Залужье?

- С тяткой бы пошел. У всех ребят они есть, а моего, говорят, германцы убили. Не такая нога, дошел бы я до них и изрубил бы всех на кусочки. Тебе хорошо, Сашка, батя и калачи покупает.

- У меня зато мамки нет, а у тебя есть.

- Мм...мамка, - недовольно тянет Вася. - Коту молоко дает, а мне, говорит, грех. Молитвы заставляет учить, а спутаюсь - вицей страдает.

Зло сплунув, он следит за полетом слюны и кричит:

- Мое стеклышко, вон, у желоба, «грамофон» его забросил. Достань его, Сашка, я тебе за это гайку с дыркой дам.

Иметь такую игрушку для меня было большим соблазном. Я нашел на крыше дровяника удочку и приказал:

- Садись сюда, упирайся здоровой ногой в охлупень и держи крепче этот конец, а я буду держать за второй, спущусь и достану.

Добравшись до обломка стекла, я взял его и стал взбираться обратно. Доски под моими ногами зашевелились и поползли вниз. Очнулся в зарослях крапивы. Съехавшие с крыши тесины стояли у стены, и с них на землю сыпалась черная гниль.

-Я думал, убило тебя и сказал так мамке и Павле.

Высоко поднимая ноги, сестра Павла подходит к теснякам, трогает их, смотрит в нашу сторону и упрекает:

- Эх, Сашка, Сашка, ни ума у тебя, ни разума. Иди-ка, стервец, сюда, нарву тебе уши. Антихристы вы проклятые! Раздели дом догола. Как жить-то без крыши будем?

Вечером я спрашиваю сестру:

- Кому жить лучше: мне без мамки или Васе без батьки?

Она гладит мою голову, потом крестится и уверяет:

- Обоих вас полюбил господь бог, и испытывает с малых лет. Крышу-то почишт батька. Только бы живой вернулся. Не шуточное дело товар купцу за сотни верст привезти.

Перед сном она долго стоит на коленях, смотрит в угол, где висят иконы и просит:

- Царица небесная, матушка! Помогни нам в жизни земной нелегкой. Хозяину этого дома помоги, Пахому, рабу твоему, и дай силу его лошади, Пеганке. На лесных дорогах охрани их от злого человека. Вразуми полусиротку Сашку и дай ему разум для прославления имени своего. Услышь калеку, рабу твою, Павлу.

Под её просьбы богу я засыпаю, во сне вижу отца, Пеганку и новую крышу на нашем доме.

Иногда сестра рассказывала мне сказки о «Жар-птице», о «Ковре-самолете», о храбрых Царевичах и умных Иванах-Дураках. Оставаясь один, я часто припоминал сказки, и ставил себя на сторону обиженных и боролся против зла.

В один из летних дней из мира сказок вывел меня ввалившийся в избу коренастый старик с широким лицом, заросшим густой рыжей бородой, - мой отец. Он бросил на полку фуражку, откинул со лба волосы и, покачиваясь, вышел на середину избы. Из кармана холщовых штанов вынул бумажный сверток, сдул с него табак и, развернув, положил

«Павла» - Парасковья
Платоновна -
с племянником, старшим сыном
А.И. Пшеничкинова Сашей.

передо мной цветные леденцы. Вдохнув, он сел к столу, закурил и долго молча смотрел на меня, а потом пожаловался:

- Тяжело мне, Сашка, в груди будто головня шает и палит, дымом душит. С Митькой мы с дороги полкосушки выпили. Легче бывает, когда «царской» промоешь горло. Надоело жизнь тянуть, как лошадь соху. Хорошего хочется, а где оно? Сызмала я ищу его и не нахожу. Глаза, видно мне родители не такие дали, видят они одну гадость. От жизни такой люди богу молятся или пьют водку, а выпить да помолиться у нас есть где. Кабаков да домов божьих понастроено кругом, как кочек на болоте. Скоро все это ты узнаешь на своей шкуре.

- Я слушаю отца, вожу руками по рубашке и брюкам, разыскиваю шкуру, но рука находит только заплаты, пришитые полуслепой сестрой.

- В школу скоро ты пойдешь, - обещает отец, - грамоте учиться будешь. А я прожил жизнь и не узнал ни одной бумажной каракули, мне некогда было потому, что я лошадь. Слаб уж стал, ушла сила, разносил ее по чужим людям.

Положив руки на стол, он смотрит на них. трогает пальцем резко выступающие синие жилы и жалеет:

- Бедные вы, мои кормильцы. Сколько вами переверорочано земли, сколько срублено и сплавлено леса, сколько перенесено разных грузов? А для чего? Кому от этого легче жить стало? Что я сделал для себя? Смотри, наследник, какие хоромы тебе отстроил батька.

Я смотрю на низкий, лоснящийся от сажи, потолок, покосившуюся печь, крохотные, позеленевшие от времени, стекла рам, на две широкие лавки, вытесанные из целых бревен отцом, и угрюмое лицо родного мне человека. Мне хочется плакать. Заметив это, отец предупреждает:

- Не криви рожу и слёзы не показывай. Реветь - бабье дело, у них глаза на болоте, а ты мужик. На слёзы не надейся, не спасут они тебя. Кулаки надо растить поздоровес, а душу безответную выбросить. Эх, посмотрел бы кто на мою душу... Сколько деньков прожито, столько и рубцов на ней. Всю жизнь о вас думал, людьми сделать хотел, а что вышло?

- Голос его дрогнул, лицо скривилось. Прикусив губу, он отвернулся к окну, помолчал и продолжил:

- Рождение твоё я вспомнил. За двадцать верст от деревни, на

сенокосе явился ты на свет божий. Ясный выдался денек, и, как на грех, сено убирать надо, а мать твоя на сносях. Смотрю на нее - чуть ворочается, а меня зло берет, один-то сена не схватишь. Мужик в такое время окромя дела ничего не видит. Смотрю я на нее такими глазами, а она знала мою поглядку, покорная была, слова за себя не скажет. Это и погубило её. Рвал я потом на себе волосы, да поздно. Пошли мы, значит, а на душе у меня кошки скребут. Иду, будто в воду холодную лезу.

Я закрываю глаза и пытаюсь представить себе идущих на работу мать и отца.

- Дошли мы, значит, до места, она сразу и слегла, родила тебя и померла. А ты выжил. Схоронил я её. Не успела боль пройти — второе горе свалилось, ослепла Павла, сестра твоя. Слаба глазами-то она и так была, а тут с тобой водилась, ночей не спала. Потом твой брат Петька урюдом с войны пришел, без ноги. Беда одна к мужику не ходит. Надеялся на Егора, а его шестнадцати лет, взамен Петра, на фронт отправили. Ребенком ушел, и гниет теперь в окопах, палаты вот эти отвоевывает. Так и остался я со слепой, безногим да с тобой, сироткой.

Он смотрит в окно и пророчит:

- Я прожил в этих хоробах, как червяк в норе, а у тебя и твоих приятелей и этого не будет. И ты, и «костыль», и «граммофон» с котомками по миру пойдете. Милостыня — ваша кормежка. Учиться нашему брату тоже нечего, не велика нужна грамота для счета синяков да для дележа кусочков. Правды ты не ищи. Нет её на свете! Кусочки собирать будешь, - утверждает отец, качается над столом и, опустив голову на вытянутые по столу руки, храпит.

- Пойдем к «граммофону», он сегодня именинник, - таинственно шепнул Вася. — Вчера он мне хвастал, что ему сшили новую рубаху и пуговицу из раковины пришили. Павла-то ваша у нас, с мамкой молитвы поют. Пошли.

«Граммфоном» называли Колю, жившего через два дома. Он был ровесник, но отличался от нас тем, что состоял из большого живота, кривых ног и маленькой головки. До пяти лет он не ходил, а сидел и ползал. Летом в избе его закрывали одного, и соседи, слыша его хриплый плач, говорили:

- Запел граммфон.

Отец Коли, дядя Федя, старик с черной бородой и искренним оспой лицом, всегда что-нибудь делал и не давал сидеть без дела и нам. Он совал нам в руки доски, железки и приказывал:

- Держи вот так.
- Подай тиски.
- Сбегай, принеси, протри.

Работу свою он рассматривал через очки на кончике носа, а когда смотрел на нас, то поднимал их на лоб и пояснял:

- Так вы больше на людей похожи. Заплаты не все видно.

Колю с отцом мы застали дома. Дядя Федя сидел на табуретке и разбирал старые ходики, а Коля стоял на лавке и смотрел на руки отца. Новая, красными горошками рубашка закрывала его кривые ноги, отчего он походил на нахохлившегося воробья.

- Подходи ближе, золотая рота, - предложил нам Федя, - дела дам. Сашка гирю почисти, Василек — цепочку, а имениннику вот у этой барыни глаза протереть придется. За дело! Кто скорее и лучше, тому еще дам.

На циферблате, оказавшемся в руках Коли, была нарисована полная женщина с полуголой грудью, строго смотрящая в сторону.

- Фря какая. Грудь-то одну не закрыла, - тыча пальцем в рисунок, упрекал Вася.

- Не мешай! Видишь, не могу оттереть, мухи загадили всю рожу.
- Плюнь ты сначала, а потом три, - советую я.

Коля отставил от лица жестинку и посадил на нее три здоровенных плевка, а потом подолом рубашки начал старательно протирать рисунок.

Если бы в это время крикнули нам, что горит крыша дома, то вряд ли кто из нас бросил работу. Только появление в избе хозяйки остановило дело. Она подошла к Коле, шлепнула его по заду и ахнула:

- Что ты, стервец, наделал с рубахой? Сейчас же бросай железяку! Измазал подол новой рубахи. За нее я на поденщине день жала. А ты, старый хрыч, куда смотришь? На час парня в человеческий вид привела, а ты ему грязи в руки суешь. Сам всю жизнь трубочистом ходишь и ребят в грязи копать заставляешь. Дай-ка, Колька, железяку, я её выброшу.

Дядя Федя посмотрел на жену, положил на стол очки и усмехнулся:

- Знаешь ли ты, дуреха, что твой Колька царицыны глаза от мушьего каала очистил. Велика беда, подол у рубахи отмоется, а вот если бы «крючок» увидел, в каком виде мы содержим царицу, то не миновать кому-либо из нас решетки. «Крючок-то» ведь рядом живет. Урядники к этому делу приставлены. А эта царицей российской была. От её корня теперешний наш царь произошел. Вот так, Богу да царю кланяться надо, почести им разные устраивать, а не нужники на их патретах разводить.

Мать Коли переступает с ноги на ногу и уже не так зло продолжает:

- Раз так, то можно бы и не рубахой. А часы-то эти ещё от батюшки покойного остались. В погреб я их прибрала, а тебя сунуло распотрошить все. Врешь ты, наверное? Какая это царица, ежели на всех скоса смотрит.

Федя поднес к глазам жены циферблат.

- Читай! Что глазами-то заводила? Да, что я делаю, бабу заставляю читать, когда на всю-то деревню десять грамотных? Ну, коли бог тебе разума не дал на грамоту, то слушай. «К трехсотлетию дома Романовых». Поняла? Триста лет эта родня правит нашей державой. Им и в церкви «Многая лета» поют. Слыхала?

- Все поняла, - соглашается мать, - только Колькину-то рубаху от царицыной грязи мне отмывать придется. Иди, оденем старую, хватить попризначал.

За работу нас Федя похвалил, достал из кармана монетку и подал её имениннику:

- Идите теперь к Ване. Купите фунт сахара и себе стакан семечек. Сахар, Колька, домой принеси, а семечки разделите.

Рыжий старик, с глазами и носом ястреба, встретил нас недружелюбно, но когда Коля показал ему монету и сказал, что нужно, он взял её, посмотрел с обеих сторон и спросил:

- Не ворованная?

- Тятка мне при ребятах дал.

На старых ржавых весах Ваня долго вешал фунт сахара. Он менял куски, откусывал то от одного, то от другого и ворчал:

- Всем давай с покатом. То разоришься. Слопаете сахар-то дорогой, а виноват будет опять Ваня. Давай, сопляк, кепку. Да идите сразу домой. А семечки куда?

- Жила! — выдавил Вася, когда мы отошли от дома. Мамка моя его

так зовст.

- А моя говорит, что он скупердый. Что это такое, Сашка?

- Разбойник, наверное, предполагаю я.

Около дома “крючка” мы расстались:

- Мамка меня ждет, - пояснил Вася.

- И меня тоже, - повторил Коля.

“Какая же была моя мамка?” — спросил я себя, когда остался один.

Долго стоял, смотрел на наш дом, на большую раздвоившуюся липу около него, прислушивался к зову матери, но его не дождался.

В праздники я часто ходил к Васе и Коле. Их матери готовили в такие дни любимую еду для своих сынков и заодно угощали меня.

- Ешь, сиротка, не стыдись. Не часто тебе попадает масляный кусок. Не с родной матерью живешь, пожалеть-то тебя некому.

Я брал, что подавали, но иногда ложил еду на стол, убегал из деревни и прятался на берегах маленькой полевой речки Осинки. Там сидел где-либо в кустах и удочкой ловил пескарей. За рыбной ловлей забывал свое горе.

Раз около деревни встретили меня Вася и Коля и сообщили:

- Сегодня из пожарной машины прыскать будут. Мужики её уже выкатили из сарая. Ты рыбу понеси скорей домой и иди. Мы место и на тебя займем.

Ниже часовни вязкое место было огорожено низким срубом из бревен. В дни пробы пожарной машины весь сруб занимали малыши, смотрели на работу взрослых. Десяток мужчин качали насос машины, многие носили воду ведрами в бочку, а кому не хватало ведер, держали пожарный рукав. Завидовали мы больше всего тому, кто держал медный наконечник рукава и направлял струю воды в нужную сторону. Со свистом она вылетала из узкого отверстия, рассыпалась на мелкие капельки и падала на стены и крыши соседних домов.

Счастливец сегодня был брат «крючка» Егор. Размахивая наконечником, он поливал женщин и сметал нас со своих мест.

- Сашка, твой батька идет, - толкнув локтем, шепнул мне Вася. — Наверное, его опять мыть будут?

Из Залужья в длинной пестрядиной рубахе, подпоясанной веревкой, босой и без фуражки медленно брел мой отец. Он смотрел под ноги и

пел:

«По деревнюшке пройду,

Пропую, прогрохаю».

- Загуляла Пахомова нужда.

- Жизнь у него, как худой бредень — везде лопает. Жалею я его часто и бога за него молю, - судили соседки и посматривали на меня.

Отец подошел к Егору, протер глаза и потребовал:

- Дай-ка я поиграю. Сегодня мой черед.

- Черед твой будет тогда, когда ворона побелеет, - громко крикнул Егор. - Рыло вымой, а потом в люди пробирайся. А ну, качайте посильнее, перекрестим Пахома на Макара!

Струя воды сначала ударила в лицо отца; охраняя его он начал кружиться на месте, а потом упал на четвереньки.

У меня перехватило дыхание. Со стиснутыми зубами прибежал домой и, забравшись на сеновале под одеяло, дал волю своим слезам.

Об увиденном я рассказал сестре и спросил:

- Зачем люди смеются над отцом? Что плохого он сделал Егору?

- Горюшко ты липовое, несмышленное, - прижимая меня к себе, упрекает сестра и поясняет: - Богом установлена жизнь, и все мы грешные, должны повиноваться его воле и исполнять порядок божий. Велико ли дело — пожарная машина, и её бог без внимания не оставил. Железку-то от нее держат по очереди Оленины, Васины, Пронины, побогаче которые, средним положено пожарную кишку держать, а остальным воду подносить. Не положено батьке нашему к трубке лезти. Вот за это и наказывает господь бог. Супротив его порядков он руку поднимает. Вот и ты определен богом к своему месту, и держись его и не лезь, куда не положено.

- Запишут ли меня в школу? - ложась спать, спрашиваю я сестру.

- Кольку Митина не записали, у него нет ремня с бляхой и у пиджака светлых пуговиц.

- Это в городе так, так строго, а у нас запишут, - успокаивает меня Павла, - спи давай. Утром обрядимся и иди с богом, учись.

- А что там меня заставят делать?

- Дня не бывала я в школе, не знаю.

Долго лежу с открытыми глазами и думаю. Школа была в избе

соседки Марьи, через дорогу от нашего дома. Я бывал в ней после уроков. Когда Марья подметала пол. Рядами установленные парты, черная доска, картины на стенах, шкаф с десятком потрепанных книг были мне знакомы. Я знал, где сидели «младшие» и «старшие», но не знал, что там будут делать со мной.

Утром сестру я увидел около печи. Вытянув вперед руки. Она шаркает ногами по полу, переходит от печки к столу и раскладывает тесто на капустные листья.

- Иди, Сашка, помогать мне. В школу-то ходят с хлебом. Пирогов я тебе напеку, да и сметанкой помажу.

Она держит одной рукой лист, второй — лопатку, черпает тесто и ложит его на лист. Иногда лопатка не попадает в квашню, а тесто, положенное не на середину листа, оползает с краев.

- Исправляй, мне тяжело это, - просит она меня. — Глазенки-то у тебя зрячие. Бери пироги со стола по одному, ложь на лопату и в печку сажай. Три в ряд, к самой стенке, а потом делай второй ряд. Да не балуйся, друг на дружку не сади и пеплом не засыпай.

Закрыв печку заслонкой, она крестит чело и поучает меня снова:

- Почаще заглядывай в печку, как сверху зажариваться будут, скажи мне. Вынимать их надо вовремя.

Вытащив из печки пирог, я подаю его Павле. Она ударяет пальцем вниз каждого и радуется:

- Донгли! В самый раз. Помогла царица небесная сиротке и калеке.

С холщовой сумкой через плечо, в новой домотканой рубахе, подпоясанный кушаком сестры, босой и без картуза явился я к школе. Третьеклассники играли у входа, а первоклассники стояли в сторонке и полушёпотом переговаривались. Вася и Коля около колодца лепили дом из грязи. Я подошел к ним.

- Ты сколько взял хлеба? — спросил меня Вася. — Мне мамка дала только полколобана, а у Кольки целый.

- Если после уроков не оставят, то мне хватит, - уверил я, а Коля добавил:

- Наши дома близко, в переменуку можем сбегать. Давайте по кусочку съедем.

После звонка старшие убежали в класс, я с приятелями: три мальчика

из Балаужья и две девочки с Глинюк остались на улице.

Молоденькая, маленькая учительница, одетая в черное платье, подошла к нам, перекинула на плечи две длинные черные косы, улыбнулась и спросила:

- А подружки ваши, девочки, почему не пришли?

Одна отвернулась от учительницы, а вторая провела под носом рукавом платья, вздохнула:

- У меня их нет. Было две, да одна ушла в няньки, а вторая придет.

- Ну, а вы-то учиться хотите?

- Хстим, - ответил Коля.

- Тогда мойте руки, мальчики, и идите в класс.

Сидя у стола, она смотрела на нас, записывала и рассаживала за парты.

- Как тебя зовут, мальчик, - обратилась она к Васе.

Краснея, Вася смотрел на свою больную ногу и прятал её за здоровую.

- «Костыль», - шепнул третьеклассник Петька.

Учительница строго взглянула в его сторону и повторила вопрос.

Мама-то как тебя называет?

- Васькой.

- Васей.

- Редко. Фамилия Береснев. Отца звали Иваном, а мамку зовут Анюшкой. Годов мне десять.

Молодец! Садись за вторую парту.

Когда я подошел к столу учительницы, третьеклассники засмеялись. Рубаха моя была одета левой стороной наружу. Неровные строчки суровых ниток тянулись по рукавам, подолу и вороту. Кисточки кушака тащились по полу. Все, чему учила меня сестра перед уходом в школу, перепуталось в моей голове и я выпалил:

- Пахомович Сашка Югов.

- Югов Александр Пахомович, - поправили меня учительница и посадила меня к Васе.

Окончив запись и рассадив нас, она отошла к страшим.

- Давай съедим по кусочку моего хлеба, - предложил мне Вася. - Начнем учиться, некогда будет.

- А я уже учусь считать, только пальцев не хватает. Дай мне одну

руку с пальцами взаимы.

Положив кусочек хлеба в рот, он растопырил передо мной пальцы правой руки.

- Двадцать три, двадцать четыре, - отсчитал я. - Вот сколько нас вместе со старшими. Один твой палец еще и остался.

Прожевать хлеб Вася не успел. Учительница подошла к нам.

- Зовут меня Наталья Васильевна. Повтори-ка, мальчик, - ласково попросила она и положила руку на голову Васи.

Хлеб застрял в его горле, и он положил голову на парту.

- Наталья Васильевна, - выручил я друга.

- Молодец!

В перемены мы пробовали пироги друг у друга, набирали сил для настоящей учебы, ждали её, но не дождались.

- А учиться-то совсем нетрудно, - уверил нас Вася после уроков.

- На дом нам ничего не задали, на колени в угол не ставили. Зря меня мамка страдала.

Раз в неделю в школу из города приезжал псаломщик. Высокий, средних лет человек, с рябоватым лицом и черными вьющимися волосами, тихо шагал между рядами парт, отечески поглаживал головы учеников и рассказывал им о жизни человека, о боге, о жизни святых чудотворцев. Его рассказы были похожи на сказки сестры, но рассказывал он так, что я ловил и запоминал каждое его слово и следил за каждым его шагом.

Раз вечером пересказал я сестре историю жизни святителя Петра, рассказанную псаломщиком ученикам третьего класса. Она, улыбаясь, долго смотрела в мою сторону и похвалила:

- Молодец, Сашенька, бери во внимание слово божье и пересказывай его людям. Знаешь что, соберу я в другой вечер баб в нашу избу. А ты расскажешь им, как мне теперь, о святом Петре.

Слушали меня соседки внимательно, вздыхали, радовались, крестились и удивлялись:

- Велик ли, а как слово божье в памяти держит.

- И не запнулся ни разу, как по книжке.

Перед зимними каникулами в школу приехал священник. С псаломщиком они проверили наши познания закона божия, а потом

священник подозвал меня к столу и подарил пять книжек с лубочными картинками, с описанием жития святых. Добрые глаза священника смотрели на меня в упор, пухлая рука его гладила мои волосы, а кроткий голос внушал:

- Читай, отрок, их сам, читай верующим и в жизни следуй примеру святых отцов.

Это событие взволновало меня, радовалась сестра и еще старательнее привлекали в нашу избу соседок. Перед сбором соседки мыли пол в нашей избе, застилали его половиками, протирали стекла икон и ставили перед ними свечки. Я готовил на вечер лучину.

За окном вьюга скребет снежинками в стекла, покачивает пламя горячей лучины. Горит она красными угольками, свертывается, которые с шипением падают в корыто с водой.

У светильни сегодня сидит отец, меняет лучину и плетет лапоть. На скамье, у лежанки, с прялками разместились соседки Марья и Вера. Смачивая пальцы слюной, они одной рукой тянут бесконечную нить, а второй крутят веретено. Сестра вяжет рукавицы отцу, а мать Васи шьет холщовую рубашку. Я сижу у стола, придвинутого к светильне, и читаю вслух о жизни святителя Филиппа. Чтение моё иногда прерывается замечаниями соседок:

- От богатства родительского ушел, черной работой не брезговал.
- На обиды не гневался, прощал обидчиков.

Ковыряя лапоть, отец слушает меня, замечания соседок, исподлобья поглядывает на них и, бросив лапоть на лавку, заключает:

- От достатка в бедность одни дураки ходят. А обиды он прощал потому, что худо его били. Морока тут какая-то, сказки. Это слушать можно только уродам. Пойду-ка я лучше к Митьке. Христовым невестам только по зубам такие чудеса, а Пахома всю жизнь учит другое. Брось, Сашка, все это в печку. Чудотворцы и святители за тебя пахать не поедут.

Анна крестится и вслед отцу бросает:

- Богохульник! Не приведи, господи, совратить с пути праведного душу отрока. А ты читай, Саша, не слушай его.

На полатах, в темноте, я лежу с открытыми глазами, слушаю вой ветра и думаю: кто же прав? Псаломщик, Владимир Александрович,

или отец. Первым противником святого писания оказался человек, который обещал мне не райскую жизнь, а лошадиную, которую прожил он. Жизнь полную обид и унижения, жизнь на собирании кусочков.

Желания встретиться с соседками, какое у меня было вначале, не стало. Я иногда закрывал книжку и задумывался. Слезливые причитания, бесконечные обращения к богу начали надоедать. Хотелось бросить все и убежать от слепых, хромых и слезливых соседок.

- Читай! Из головы выбрасывай сомнения и уверуешь. Встречи с богохульными людьми укрепляют веру - шептались мне соседки. Я сдаюсь и снова читаю.

На краю деревни, около Глинок, стоял двухэтажный дом из осины. Жил в нем Бася-Карюпа, высокий кривой человек со смуглым изъеденным оспой лицом.

В нижнем этаже размещалась пекарня, а верхнем — его квартира.

Перед рождественским сочельником мы с Павлой идем работать в пекарню.

- Ты там не балуй, делай что прикажут. Не всех пускают они. За твои добрые дела милость нам такая выпала. Да и тытвой нашим хозяин-то знаком. Муку-то он ему возит. Вот как.

Маленькая, сухая и вертлявая, как мышь, хозяйка провела нас в комнату с одним окном, загороженным железной решеткой. Один угол комнаты был завален готовой сушкой. Её нам нужно надевать на тоненькие лычки.

Осмотрев мои руки хозяйка приказала:

- Ты, Сашка, на стол принеси баранок Павле и сам без дела не сиди. Целых калачей не ешь, а надевай их. Для еды вон в лукошке есть ломаные.

- Ужели все калачи ихние? Куда их столько? — спросил я Павлу, когда хозяйка вышла.

- Продадут на базаре, на деньги муки купят и опять баранок напекут. А денежки-то они копят, по копейке собирают. Из копеек рубли выходят, а из рублей — сотни. Купит вот она муки на сто рублей, напечет баранок и продаст их за двести. Каждый рублик к нему другой рублик приведет. Вот оно как...

- А почему наш папка не торгует баранками? И у него бы деньги

денегу притащила.

- Кому богом что указано, тот то и делает. Показано тятке муку возить, он и возит.

После работы хозяйка осматривает сделанное, пальцем нажимает мой живот и упрекает: «Сюда-то бы можно и поменьше пихать. Небось, не один фунт ушел».

Дома мы застали дядю Федю и соседа Митю, длинного костлявого человека с седой бородой и тонким длинным носом. Они сидели у стола, курили привезенную отцом махорку и разговаривали.

Жадно глотая дым, дядя Митя хвалит махорку и спрашивает:

- Небось, до места-то, Пахом, больше десяти пряжек? До самой чугулки доехали? Видел ты её?

- Восемнадцать раз кормили мы лошадок, пока вперед ехали, а промежу кормежками двадцать пять верст. Вот и считай, далеко ли я ездил. А чугунку я видел много раз. Дьявольская сила в ней. Черная сама-то машина, дым из трубы выхлопывает, дышит с каким-то шипом, а рывкает так, что лошади передними ногами на колени встают от испуга. А вагонов она волочит уйму, через всю нашу деревню её хвост протянуть можно.

- Не может быть, - сомневается Митя.

- Если человек захочет, то сделает еще и не это, - утверждает дядя Федя. - По воздуху уже летают, да и под водой ездят. А ты - «не мост быть». Расскажи, Пахом, лучше о том, как люди живут, что говорят про жизнь».

Отец прошелся по избе, заглянул в углы, на печку и ответил:

- По-разному живут и говорят разное. Ведь сытый голодному не верит. На многих ночевках разговор про царя идет. Будто дожилась он до ручки, отказывается от престола. Передавать стал власть брату Михаилу, а тот не принял. Не верю я только этому. Сама собака от мяса не уходит.

- Господи, царица небесная, - крестится сестра, прижимает меня к себе и спрашивает:

- Не пьян ли батько-то? Не слушай его. Без царей не живут люди. Богом они поставлены.

- Да и бога, говорят, нет, - продолжает отец. - Парни там по улице с гармошкой ходят и под гармошку поют:

«Бога нет, царя не падо,
Все мы к этому ведем,
Провались земля и небо,
Мы на кочке проживем».

Лицо дяди Мити вытянулось, он долго мигал, как после удара, а потом, заикаясь, спросил:

- Не с перепою ли говоришь, Пахом? За такие слова, знаешь, что из тебя «крючок» сделать может? Пойдем, Федюня, домой, а то, неровен час, подслушает кто.

- Хуже того, что я перенес за жизнь, ждать нечего, - резко ответил отец и стал свертывать сигарку.

- Сладкого, конечно, в нашей жизни мало. О перемене её поговаривали еще в японскую, а начинается перемена-то только теперь, - поддержал отца дядя Федя. — Может все это и к лучшему, и войну бы кончили, и сынки бы домой пришли.

Когда ушли соседи, отец стал подшивать мне валенки. Сестра сидела в углу, беспрестанно крестилась и беззвучно шевелила губами.

Я смотрю на них с полатей и думаю: кто же из них прав? Кого же слушать?

Павла копила деньги. Она не держала их у себя, а пускала в оборот. Пускала так, что и её копеечки возвращались к ней обратно с прибылью. Особо надежные люди привозили ей десяток, а иногда и два — бутылок, четвертинок и соток водки, а в мешочке подсолнечные семечки или кедровые орехи. Хранила она все это в известных только ей местах. Семечки и орехи по несколько раз перемеривала стаканом или чайной чашкой и устанавливала цену.

Вечерами, а иногда и ночью, приходили к нам соседи и соседки и просили сестру выручить их из беды, дать в долг или за наличные. Водка продавалась по той же цене, по которой и покупалась, только пустая бутылка возвращалась Павле. В праздничные дни за стаканом семечек или орехов заходила молодежь.

Раз в сумерках лежал я на полатях и, слушая бесконечную песню черного кота Васьки, задремал. Сон мой оборвал знакомый мне голос псаломщика. Я открыл глаза и осторожно поднял голову.

У стола сидел Владимир Александрович. Перед ним стояла пустая

четвертинка, недонитое в стакане вино и кусок хлеба.

- На свадьбе у Олениных гулял я, Пахомовна. Кончили там все, надо бы домой, а меня занесло сюда. Хотел с Пахомом поговорить насчет Сашки, да нет его дома. Ну, да я еще увижу его. Учить Сашку надо. Не всякому такая голова дается. Он жить еще только собирается и не такая его жизнь будет. А наша жизнь рассыпалась, все, чему я верил, учил других, - полетело пылью.

Он допил вино, понюхал хлеб, положил его обратно на стол и надел шапку.

- Кажется, я рассчитался с тобой, пойду домой.

«Обманывать людей грех, вино пить грех, не повиноваться грех, - вспоминаю я рассказы псаломщика и разговоры соседок и спрашиваю сначала себя, а потом сестру, почему не боится греха она, Корюна, Ваня, Дмитрий Александрович и отец?»

- Не велик мой обман. Убогую простит царица небесная. А батька наш задира, верно, и накажет его еще бог. Про других не знаю. Бог им судья. Не думай ты об этом, Саша. Как бог устроил жизнь, так и живи, не сомневайся.

Псаломщик больше в школу не приходил.

Через неделю, в морозный мартовский день, соседка Марья пришла к нам за углями и, перекрестившись, вздохнула:

- За упокой памяти, господи, раба твоего Владимира Александровича. Прибрал господь бог, и душенька его теперь на небесах.

Потом села на лавку и заговорила:

- Замерз ведь псаломщик-то около Полькиной. Колины туда ездили за сеном и нашли его. Надо бы ему идти зимней дорогой, по реке, а он пошел летней, а по ней не ездят. Суметом-то, видно, брел-брел да и выбился из сил... Сел под елку, да и отдал богу душу. Сейчас «крючок» туда поехал, им ведь до всего дело.

- Сидя и помер? - крестясь, спрашивает сестра.

- Сидя, милая, сидя. Привалился спиной к елке, руки в рукава сунул. Шапку у его ног видели, а ухо одно какие-то зверюги отъели. Не жизнь, а страсти господни пошли. Что ни день, то новость. Говорят, что в городе у памятника царского голову отломали, и валяется она теперь в снегу. Да будто бы и деньги старые лопнули. Теперь новые, тоже с

орлом, только меньше и зовут их «кренки». Наверное, нового правителя так называют.

Лицо сестры побледнело. Дрожащими руками она начала шарить у себя на груди и чуть слышно спросила:

- Как лопнули? Я ведь десять лет по копейке собирала их, в казначейство посила, а они лопнули... Нет, Марья, напраслины ты не говори».

- А я, кума, думаю, что переставление света начинается. Антихрист власть забирает. Все идет по святому писанию.

- У-у-у! У-у-у! — слышу я сквозь сон тягучие, однообразные звуки, доносящиеся сверху.

Открыв глаза, вижу солнечные зайчики, пробирающиеся на сеновал. Длинными светлыми линиями выходят они из щелей и круглыми — из маленьких дыр. По бревну стены разгуливают два голубя и воркотней убаюкивают сидящих в гнезде птенцов.

В школу сегодня идти не надо: вчера был последний день учебы. Меня, Колю и Васю перевели в третий класс и всех отпустили на каникулы. Я беру спрятанную под подушку книжку, подаренную мне Натальей Васильевной. Раскрываю, читаю, но чтение мое оборвал крик мужских голосов, доносившихся с площади, около дома «крючка». Иногда этот крик был настолько сильным, что я разбирал отдельные слова и фразы. «Делить! Закон так говорит!». «Хватит кусты да обочины только нам пахать!».

Сестра сидела у окна и тоже прислушивалась к голосам.

- Что это там? — спрашиваю её.

- Сходка. Решают делить землю или не делить. И больше всех кричит наш тятка. Умывайся. Сейчас он придет и будем завтракать.

Мы с Васей и Колей весь день шныряли между соседями, толпой передвигающимися по большой пашне, владельцами которой были богачи».

Взрослые громко разговаривают, смеются и меряют землю на полосы, а мы подносим заостренные колышки и вбиваем их в конце полос. Потом мужики берут из шапки номерки с указанием полос и на вешках делают свои отметины. Вернувшиеся с фронта мужики громко говорят новые слова: революция, равенство, свобода, большевики, Ленин.

Лицо отца радостно. Он много говорит, курящих угощает своей махоркой. Доставшуюся ему землю меряет шагами, пробует продавить её ногой, берет в руки, растирает на ладони и показывает соседям. По дороге домой он гладит мою голову и поясняет:

- Олениным, васиным и корюпам — капут! Откланялись мы им, отслужили. Теперь бы дождаться Петьки и Егора, на них тоже земелька намеряна. Самое главное для мужика сделано - дана земля. Она для нашего брата — мать родная. Вот засеем все, и свой хлеб будет. Не оговоренный.

Дома он до ночи возился с плугом и бороной, а когда лег спать, долго разговаривал сам с собой, планировал: какую полосу как пахать и что где сеять. Утром чуть свет, он выехал на пашню. Долго мы его ждали к завтраку.

- Умается он сегодня до полусмерти, - жалела отца Павла. — Скатертьку-то на стол постели и ложки положи на место, а похлебку наложи в блюдо, когда придет. Он сваротку всегда любит.

Резать хлеб мне помешала вбежавшая к нам соседка Катерина. Хватая воздух раскрытым ртом, она долго махала руками в сторону пашен и обрывками фраз сообщила:

- С батькам... с вашим... неладно... Гоню я скот свой... свой скот около пашни... Гоню и вижу: Пегашка ваш один по полю с сохой ходит. Обратнo пошла, вижу тоже. Зашла я в тот конец, к лесу-то, и вижу... Вижу в борозде будто мешок с овсом лежит... Подошла и ахнула... Голова-то у него в мешке. А ноги на воле и кровь у головы.

Павла шагнула от шестка, навалилась на лежанку, повернула лицо в сторону икон и начала креститься. Безжизненные её глаза смотрели в потолок, выше икон. Крупные слезы текли из них и падали на пол. Ноги её начали медленно подгибаться. Придерживаясь за край лежанки, она сначала села на пол, а потом уткнулась в него лицом.

Катерина помогла ей подняться на ноги и, посадив на лавку, завывала:

- Сиротки вы круглые... За что наказывает вас бог?... У какого злодея поднялась рука на такое дело?

У меня перехватило дыхание, нож выпал из рук, и я захлебнулся слезами.

Днем и вечером наша изба была полна соседей и соседок. Федя и

Митя делают гроб. Женщины кланяются иконам, стоят около отца, концами платков трут глаза и жалеют нас с сестрой, а мужики кому-то злобно грозят:

- Старое хотят вернуть, сволочи!

- За земельку сложил голову Пахом!

- Сказывают, когда делили, дак Ванька ихний хвастался: как, мол, пахать земельку-то нашу будете, могил себе не наробьете.

- Это их дела!

Погоревали соседи и ушли. В избе остались Федя, Митя и мы с сестрой. Павла водит рукой по остывшему телу отца и причитает:

- Отмучился грешник... Легко теперь его душеньке, а мы-то как жить будем... На кого ты нас покинул...

- Как жить будем? — полушепотом повторяю я слова сестры.

Отвернув лицо от нас, Федя судорожно мнет в руках бумажку для сигарки и советует:

- Не в глухом лесу живете. Люди кругом. Помогут.

- Знамо, помогут, - утверждает Митя, - раскисать только совсем не надо. Тебе теперь. Сашка, сидеть сложа руки и слезы лить нечего. Подождим вот на вечный покой Пахома и за плуг забирайся. Не больше тебя я был, когда меня в борозду поставили».

На другой день гроб с отцом положили на телегу, к голове посадили меня и дали в руки вожжи.

- В деревне-то не торопи лошадь. Пусть идет, как ей надо, - советуют мне соседки, - да картуз-то сыми.

Улица к городу полна народу: одни стоят на краю дороги, снимают картузы, крестятся и молча утирают слезы. Другие, опустив голову, идут за телегой. Пеганка смотрит по сторонам, поводит ушами, помахивает хвостом и, не торопясь шагает.

За городом, на крутом берегу реки, поросшим ельником, отца похоронили.

- Не забывай это место, - тыча лопатой в бугорок свежей земли, советует мне Федя. — Перекопают землю-то скоро, а ты елки эти запомни. Головой он лежит к этой. Павле потом скажи.

- Да... Все здесь будем, только не в одно время, - шепчет Митя и, щурясь, смотрит на речной плес, на искрящуюся от солнца воду.

Федя привязал свою лошадь к огороду и спросил Павлу:

- Пробудился ли хозяин? Пахать надо ехать.

Надевая хомут, я поднимаюсь на пальцы, вытягиваю сколько могу руки, но забросить его на голову Пеганки не могу. Пеганка опускает голову и сама пехает морду в хомут. Федя смотрит, как я вставляю дугу в гуж и бодрит:

- Подрастешь к следующему лету, силенки и хватки будет побольше. Привыкнешь ко всему.

В поле, пропахивая первые борозды на нашей полосе, он учит меня:

- Смотри, что я делаю. На ручки не дави. Если в борозду плуг вылезать будет, нажми на правую, а в загон полезет — на левую. Плуг идет хорошо, и лошадь сноровная. Да вожжами без дела не дергай, не сбивай Пеганку. Если что, то спросишь мужиков, или ко мне прибежишь. Я вон за теми кустами пахать буду.

Забравшись за ручки, я взмахнул кнутом. Пеганка натянулась, двинулся плуг и начал отворачивать влажную землю.

Через час дядя Федя пришел ко мне сам:

- Дай лошади отдохнуть и свои руки побереги.

Пеганка остановилась. Дышала часто, порывисто и, повернув ко мне голову, смотрела на кнут. Мы сели на плуг. Федя неторопливо свертывает сигарку, смотрит на медленно плывущие облака, на висящего над пашней жаворонка и подает табак и бумагу. Потом, спохватившись, прячет в карман и кому-то говорит:

- Вот так. Отыграли, значит. У нашего брата-мужика коротенькое детство. Встал на ноги и берись за ручки плуга.

Июнь 1967 года.

Литературные интересы и становление писателя

Александр Платонович шлет Яшину несколько рассказов и получает обнадеживающий ответ: «Уважаемый Александр Платонович!

Простите меня за задержку ответа: был болен, потом уезжал и корреспонденции скопилось так много, что я только сейчас начинаю

разгружаться от неё.

Ваши очерки я передам в понедельник Вас. Ник. Ажаеву, председателю Комиссии ССП по работе с молодыми писателями. Он поручит знающему человеку прочитать их и ответить Вам. Но это, вероятно, нелегко будет сделать, потому что вы очень мелко и достаточно неразборчиво переписали их. Учтите на будущее.

Что же касается сути дела, то я бы хотел напомнить Вам хорошую поговорку: «Не боги горшки обжигают!». Вам нужно пожелать упорства, большого упорства и любви к этому делу, и Вы всего можете добиться. Время не ушло.

Жму Вашу руку. Александр Яшин».

В декабре 1955 года газета «Красный Север» публикует статью Сергея Викулова «О творчестве молодых». «Есть одна замечательная черта, объединяющая творчество молодых. Это знание жизни. Свежесть языка, завидные художественные детали, которые можно лишь подсмотреть в жизни, но не выдумать.

Правдивостью, реалистическим изображением действительности отличаются их рассказы.

С особой силой это ощущается у А. Пшеничникова, Н. Зайцева, А. Фокина, В. Амосова.

Молодые прозаики, о которых идет речь, живут в самой гуще народа, личным трудом участвуют в его борьбе за счастливую жизнь.

18 июня 1956 года С. Викулов пишет личное письмо: «Александр Платонович! Я подготовил к печати три Ваших рассказа: «Иждивенцы», «Оратор», «Предупреждение». Замечательные рассказы! Сколько в них суедей правды, юмора! Думаю, что они будут замечены читателем. Поздравляю вас!

Надо Вам по серьезному браться за писанину. Народу нужен такой рассказчик, как Вы. Говорю Вам без лукавства, поверьте! Попыните еще с годик, сделайте пять-десять хороших рассказов и можно будет издать книжку. Желаю успехов! Жму руку.

Редактор художественной литературы Сергей Викулов».

В том, 1956 году, выходит альманах «Литературная Вологда». Среди трех десятков авторов - А.Пшеничников с тремя рассказами, которые С.Викулов назвал замечательными.

Писать рассказы и зарисовки с натуры Александр Платонович начал давно и публиковал в нашей районной газете.

20 июня 1940 года - «Сорокин Вася». В этой короткой зарисовке - полусирота, у которого отец погиб в войне с Финляндией.

В 1941 году - четыре рассказа: «Письмо друга», «Неуд», «За Родину!», «Мать».

В 1942 году - три рассказа.

И в последующие годы «Никольский коммунар», а затем «Авангард», публикуют материалы за подписью А. Платоныч.

В 1950-60 годы Александр Платонович не устает писать рассказы, юморески и фельетоны на школьные и колхозные темы.

Кроме уроков и забот по руководству школой, он выполняет множество неоплачиваемых работ по партийной линии: пропагандист, агитатор и даже артист в художественной самодеятельности.

В «Красном Севере» публикует рассказ-фельетон «Кто из кого комедию сделал».

За все эти неустанные хлопоты получает «Почетные грамоты». Например: «Никольский Районный Совет депутатов трудящихся награждает лектора-общественника тов. Пшеничникова Александра Платоновича за активное участие в лекционной пропаганде.

Председатель Никольского райисполкома А. Киселев. 24 августа 1951 года».

Подобные грамоты вручают за активное участие в газете «Никольский коммунар» 30.10. 1955 г.

Почетной грамотой награждает редактор газеты «Красный Север» «за активное участие в советской печати» 5 мая 1955 года.

Александр Платонович сохранил извещение-приглашение на заседание горисполкома: «Просим Вас явиться в исполком горсовета 2 октября 1969 года к 17 часам на заседание женсовета. Секретарь горсовета П. Коробейникова».

С присущим Платонычу чувством юмора кладет он по штампу «резолуционно»: «Снова начинаю подниматься по служебной лестнице, только по такой, о которой даже и не мечтал всю жизнь. А Пшеничников».

10 июня 1969 года получил официальную заянку от редакции газеты

«Авангард».

«Уважаемый Александр Платонович!

Райком партии поручил мне организовать от товарищей, близко знавших А. Яшина, ряд воспоминаний о писателе-земляке с тем, чтобы собрать воспоминания воедино, отпечатать на ротаторе и сделать небольшую книжечку в переплете.

В июне на Бобринский угор придут, очевидно, ряд писателей. Каждому из них будет вручена такая книжка. Будет храниться она и в музее А.Яшина.

Вы частенько встречались с Александром Яковлевичем, хорошо его знаете, и поэтому очень прошу хоть бы коротенько поделиться своими мыслями, вспомнить особенно запомнившуюся Вам встречу с поэтом и т.д.

Материал желательно получить к 20 июня.

С приветом - В. Каплин».

Была ли изготовлена книжечка, мне неизвестно. В музее Яшина в первом альбоме на первых страницах есть запись о посещении музея Виктором Астафьевым, Николаем Рубцовым, Александром Романовым и Сергеем Чухным. Запись делал Рубцов. В «Авангарде» от 23 августа 1969 года есть материал

«Несколько слов о земляках-писателях». Автор — Ростислав Панов. И две фотографии, сделанные Владимиром Покровским. Фотографии - уникальные. Любознательным рекомендую обратиться в читальный зал районной библиотеки. Там хранятся комплекты «Авангарда».

Памяти поэта-земляка посвящаются воспоминания о наших встречах

1928 год.

После комсомольского собрания мы лежим в садике Никольского

педагогического техникума. Против меня — студент первого курса Сашка Попов, а чуть в стороне четверокурсник, редактор «живой газеты» Поспелов. Сашка лежит на животе, помахивает ногами, обутыми в выдавшие виды саногги, и ковыряет палочкой землю. Поспелов стоит на носках ботинок, локтями упираясь в колена, покачивает туловище, то вперед, то назад, поучает:

Ты, Попов, свое стихотворение перед зеркалом поучись читать. На сцену надо уметь выйти, знать, где махнуть рукой и как, где улыбнуться, а где сморщиться. Голосом управлять поучись. При чтении Пшеничникову даже не хватает воздуха, давится он им и, кажется жует свой язык. Фельетоны надо читать по-особому, с чувством. В общем, потренируйтесь. Теперь вам еще задание: частушек надо десятка два сделать. Разнести «мещанские пережитки» вдребезги. Вот вам факты. Сделайте к понедельнику. Да не позднее. Мне надо еще найти Митьку Борисоглебского. Не видели его?

Мы с Сашкой держим в руках всунутые нам бумажки и молчим. Над нами чистое июньское небо. Чуть заметный ветерок шелестит в листве и несет на улицы Никольска вечернюю прохладу и запахи цветущих трав. Трудовой день городка окончился. Тишину будоражит мычание коров, идущих с пастбища, беспокойный разговор грачей со своим потомством и смех молодежи.

Сашка поворачивается на бок, потом садится, правой рукой пытается повалить назад рыжие непослушные волосы и спрашивает:

- Прилегли?

- Как у ежа.

Он зло натягивает кепку и грозит:

- Сегодня на ночь прикручу полотенцем. Пригну их, куда мне надо!

Круглое веснушчатое лицо его выражает сосредоточенность, упрямство, поблескивают карие выразительные глаза.

В стороне от нас, в непринужденных позах расположились студенты-коммунары, приехавшие к нам из Кичменгского Городка, Павина и Вохмы. Они толкуют о переустройстве жизни и гадают, какой она будет через пятьдесят, сто лет.

Когда наплыв чувств о будущем обществе кончился, белоголовый их собеседник, в руках которого была балалайка, заиграл, а двое запели

частушки.

Электричество у нас
По Никольску в самый раз.
В месяц раз оно горит,
Что-то в будущем сулит.
Бога нет, царя не надо,
Никого не признаем.
Провались земля и небо
Мы на кочке проживем.
Нам не надо чики-брики
На высоких каблуках,
Нам бы личико почище.
Ничего и в лапотках.

Затем вожак Еканцев продекламировал есенинское «Письмо к матери». И веселая компания начала планировать поход в сад.

- Давай, Толька, поменяемся штанами сегодня? Дыр на моих нет, их чуть-чуть подчистить да разгладить и сойдут за новые. Удивится твоя зазноба, когда увидит свое «серденько» в этих штанах. Идет?

- А ты, Суся, в какой кофточке пойдешь? Если не оденешь белую с розовыми горошками, то я одену, а тебе дам желтую.

Мы завидовали жизни коммунаров. Из стипендии и из денег, присланных из дома, каждый из них вносил определенную сумму в кассу коммуны и весь месяц питался в столовой техникума. Посылки, присланные из дома, с печеньем, мясом и прочими лакомствами, были иногда общими для жителей нескольких комнат. Общая еда была узаконена. Этот закон стал переходить и на одежду. Если рост мальчиков или девочек одинаков, разговор был коротким, а если брюки оказывались великоваты, то хозяин просил только не подрезать их, а подшивать.

В школу коммунары ходили в комсомольской форме: в гимнастерке и брюках галифе зеленого цвета с широким ремнем и портупеей через плечо. Форма девочек отличалась только юбкой.

Интересно жил техникум в те годы. «Мир хижинам — война дворцам» - этому были подчинены все наши помыслы. Родившиеся в хижинах - друзья, в дворцах - враги. Пережитками капитализма считались тапцы, короткая или узкая юбка, воротничок и галстук у

рубашки. Особо страшными врагами нового считались девочки, от которых иногда пахло духами. Вся сила общественного воздействия обрушивалась на носителей такого «мещанства». О них говорили в классах, на комсомольских собраниях, громили их на вечерах, называемых «Живыми газетами». Ядовитые частушки, фельетоны-распинки, тексты конференсье строились на этом материале. В организацию и проведение «Живых газет» были, кажется, вовлечены все учащиеся.

Около сотни студентов участвовало в постоянном хоре, немного меньше в струнном оркестре, десятки человек физкультурников показывали такие пирамиды, от которых захватывало дух у слабонервных. Подготовка к вечерам занимала все наше послеурочное время.

Когда коммунары ушли устранивать свои костюмы, Сашка мне предложил:

- Что возьмешь, «Наша жизнь» или «О Никольске»? Вот факты.

Началось наше мучительное творчество. Сашка поворачивается с боку на бок, дрыгает ногами, смотрит на небо и черкает карандашом по листку. Я хожу около кустов и как грибы ищу рифмы.

Стихает птичий гомон, гаснут блики на крестах собора, белая ночь надвигается на городок.

- До понедельника еще далеко. Успеем. Идем в сад, - предлагаю я.

Молча, мы смотрим друг на друга, про себя решаем, что охотников меняться с нами брюками и ли рубашками не найдется, и расходимся в разные стороны.

1929 год.

Мы с Сашкой Поповым сидим в кабинете первого редактора газеты «Никольский коммунар» Ильина Ивана Николаевича и слушаем разбор нашего творчества. Редактор медленно шагает около своего стола. Берет то стихи Попова, то мои заметки, читает их отдельные предложения и исправляет.

Мне трудно поднять глаза за несурязицу в отдельных предложениях. Не лучше чувствует себя и Попов.

Редактор видит это, усмехается и бодрит:

- Это случается со многими. Дело поправимое. Сами найдете правильную дорогу, если её искать будете.

Взглянув на меня, он спросил:

- Ты, кажется, едешь на практику в деревню? Теперь это передовая линия: ликвидация неграмотности, заготовки, создание колхозов. Почетное место здесь будет принадлежать сельским корреспондентам, но прежде чем писать, надо спросить себя - кому будет нужна твоя писанина, что она утверждает, какая от нее будет польза. Нам нужна будет, прежде всего, правда, ваша комсомольская правда. Поняли вы меня?

- А я буду писать стихи, - упрямо начал твердить Сашка, когда мы вышли от редактора. - Здесь печатать не будут, я в «Ленинскую смену» посылать буду. Там у меня уже пять стихотворений напечатано. За одно они мне послали гонорар — три рубля. Я накупил конфет, пряников и всех своих дружков в Блуднове угостил.

Я думаю о другом, о предстоящей работе в деревне, и вижу утонувшую в сугробах деревушку, класс в простой крестьянской избе и любознательные глазенки мальчишек и девочек. Меня это не страшит, я родился и жил в деревне.

Жизнь надолго развела нас с Сашкой. Работая в деревне, я читал в газетах его новые стихи и радовался. Подписаны они были Александром Яшиным.

1944 год.

Ноябрьский ветер зло воет во тьме, окутавшей город. Он брякает плохо прибитыми досками, свистит в оголенных ветвях деревьев и холодными каплями брызгает в стекла рам.

Я сижу в холодном зале Никольского клуба работников просвещения и слушаю стихи. У трибуны стоит коренастый широкий моряк в черной шинели, смотрит в зал, и стихами рассказывает о мужестве советского солдата, о его любви к Родине, о ненависти к фашизму.

В голосе, в резких порывистых движениях рук, во взгляде я узнаю Сашку Попова. Но это уже другой человек: поэт Севера, солдат, которому пришлось понюхать пороху в боях за Ленинград и Сталинград. По-моряцки он вцепился в меня после окончания встречи и засыпал десятками вопросов:

- С кладбища, что ли сбежал? Что с тобой? Есть ли в Никольске кто из наших общих знакомых?

Медленно бредем домой. Заполненные темнотой улицы безлюдны. Слабый свет коптилок кое-где пробивается из окон и растворяется во

тьме, не доходя до земли.

Александр Яковлевич иногда останавливает меня и, указывая на силуэты домов, вспоминает:

- Здесь жили енанцы: Толька, Костя, Валерик и Аркашка. Помнишь Аркашку Митина? Маленький, толстый, а боролся мастерски. При мне он Вязникова - верзилу так через себя перебросил, что тот кой-как отдышался.

А тут жили две Насти и Люба. Как вздыхал я о Любе! Стихов ей сколько посвятил, но... Как-то сложились их судьбы? Наверное, как у всякого учителя: дожили до тюлевых занавесок и смотрят через них на мир божий.

От этих слов меня передернуло. Вспомнились двадцать лет учительской работы, сотни ребятинек и взрослых, прошедших школу ликбеза, борьбу за каждый килограмм хлеба, мяса, масла, за каждый кубометр леса, бессонные ночи при создании и укреплении колхозов и война, потребовавшая от тружеников тыла невероятного напряжения.

- Настоящий учитель не через тюль смотрит на жизнь, а живет вместе с народом. Радость и горе народа — его радость и горе. Плохо ты знаешь учителя, - возразил я и шагнул в сторону.

- Не горячись, не хотел тебя обидеть.

У здания техникума мы сели на скамейку. Привалившись к кирпичной стене, смотрим в темноту, слушаем шелест ветвей лип и снова вспоминаем:

- Где Василий Ножнин? — спрашивает Яшин, - он был директором средней школы. Когда ты последний раз видел его? Яркая личность! Вырос в детдоме, в техникуме руководил комсомолом и был председателем студенческой коммуны.

В сорок втором году между Кожяевым и Плаксиным я встретил партию николевских добровольцев, отправляющихся на фронт. Среди них был и Василий. В том же году на него пришла похоронная. Погиб геройски.

Александр Яковлевич вздохнул:

- Да, нашему поколению пришлось всего хлебнуть вдоволь, гладких дорожек нам не присчиталось.

- Куда повела тебя дорожка после окончания техникума? — полюбопытствовала я.

- Работал учителем в Чебсаре, но не лежала душа к этому делу. Кончил литфак Вологодского пединститута, работал в газетах Вологды и Архангельска. В Архангельске вышла и первая моя книжка стихов «Песни Северу». Читал? А рецензию на нее видел? Поправили меня тогда вовремя.

Был на фронте. Теперь живу в Москве. Окончил литературный институт имени Горького.

Помолчав, мы закурили.

- А как у тебя с учебой, - спросил Яшин и, выслушав, удивился: - Почему на географическом, а не на литфаке? Это ведь тебе роднее. Неужели ты бросаешь писать?

- Ты меня спрашивал: «с какого кладбища» я явился? Пойми меня, Сашка, правильно. На этом «покойнике» навешено чинов разных как на солдатском мундире пуговиц. Я директор школы, секретарь территориальной партийной организации и член десятка разных месткомов и комиссий. За день я вижу столько различных событий. Которые набегают одно на другое, и вечером осмыслить их все не можешь. Что тут говорить о письме. Успеваешь иногда записывать фамилию человека, да две-три его фразы.

В деревне пришлось видеть такие картинки, от которых спирало дыхание. Больше всего поражает мужество и выносливость наших женщин. Голодные, холодные, с кучками ребятишек, они косят, стогуют сено, если лошади есть, на них пашут и возят в поля навоз, а если нет, то пашут на себе, на санках за километры из деревни везут навоз. Поглачат, поругаются и опять за дело. В деревне покурить не с кем, а с полей даже колоски собраны и на лугах не оставлено кустика травы. Они и председатели, они и бригадиры.

- Я верю тебе и завидую. Не забывай ты виденное и слышанное. Ох, как оно тебе пригодится. А записки свои собери и пошли мне в

Поэт А. Яшин в раздумьи у костра

Москву. Сам я в прозе пока не силен, но у нас при Союзе писателей есть комиссия по работе с начинающими авторами. Руководит её Ажаев. Слышал такого? Они просмотрят твои записки и ответят.

Я думаю написать поэму и главным героем её будет крестьянка-женщина. Поживу в Блуднове, посмотрю.

- Только не через тюль и розовые очки, - посоветовал я.

- Язык у тебя, что шило. От твоих записок отделаться не так просто.

Встречи в Вологде

Переписка с Союзом писателей меня не порадовала. Записки вернули обратно и упрекнули в отсутствии наблюдательности, в лобовых назиданиях и в учительском языке.

Александр Яковлевич бодрил: «Сашка! Читал записки и рецензию. Не огорчайся. Из этого материала можно сделать хорошую книжку, если над ней посидеть как следует. Помни: не боги горшки делают, а наши фомичане».

В пятидесятом году редакция газеты «Красный Север» объявила конкурс на лучший рассказ. Один из своих рассказов послал и я. Жюри он был одобрен и меня пригласили на совещание молодых писателей области. Моим спутником оказался Геннадий Горчаков — студент Никольского педагогического училища, скромный юноша, писавший тогда стихи.

В открытом кузове автомашины, около ящиков и бочек, по октябрьской дороге тряслась мы до Устюга. Пароход довез нас до Котласа. После бессонной ночи на вокзале мы добрались до вагонной полки. Перенося все неудобства, мы утешали себя тем, что увидим живых писателей, услышим их разговор. Ради этого можно было износить синяки, полученные в дороге.

Перед совещанием мы пьём чай с Яшиным в буфете и рассматриваем друг друга. Передо мной человек в полном расцвете сил, в модном дорогом костюме, с галстуком и аккуратно уложенной причёской, член правления Союза советских писателей, лауреат Государственной премии. Все это для меня ново, но скуластое лицо, пронизывающий взгляд, никольский говор и быстрые порывистые движения остались от Сашки

Попова. Помешивая ложечкой чай, Александр Яковлевич иногда трогает галстук, будто сомневаясь, тут ли он. Я усмехаюсь и напоминаю:

- Омещанился, пережитки прошлого стали прилипать.

Он серьезно взглянул на меня, потом усмехнулся:

- Здорово нас в техникуме просветили. К галстуку у меня и теперь какое-то отвращение. одену и хожу, как с веревочной петлей. Ну, ладно, рассказывай, как добрался, с кем? А что написал?

- Пока пять страниц.

- Не густо. У кого эти страницы? Посмотрю.

Он допил чай и предупредил:

- Про Никольск и Блудново не спрашиваю. Вечером зайди ко мне.

Живу в «Северной».

Три дня шло совещание. Было интересно видеть живых людей, создающих книги, слушать их рассказы о труде писателя, их советы начинающим авторам.

Александр Яковлевич вел себя соответственно своему положению: слушал выступающих, поправлял их, иногда от души смеялся над нелепыми случаями, о которых рассказывали ораторы. Он твердо стоял на позициях социалистического реализма и отстаивал каждое его положение от всевозможных выкрутас, которые тогда процветали в литературе.

Константин Коничев — добродушный, простой и веселый старик - предостерегал нас от небрежности и спешки, делился своим горьким опытом в издании первой книжки. Получил за нее гонорар, а потом бегал по книжным магазинам Вологды, скупал свои книжки и растапливал ими печи.

Чуткий, отзывчивый руководитель совещания Сергей Викулов в перерыве и вечерами был с нами, спрашивал о жизни, работе, искал в каждом из нас только хорошее и поучал:

- В писательском деле, конечно, нужен талант, но к нему нужно очень много настойчивого, упорного труда.

Сколько для меня сделал этот человек! Если что и смогу я сделать в литературе, то этим я буду обязан прежде всего ему. Я его часто видал в Вологде, часто он мне писал, вместе с ним колесили по дорогам Никольска. Бывали в скотных дворах и свинарниках, заезжали и на родину Яшина в Блудново.

В детстве, прочитав интересную книгу, я пытался представить себе её автора. Воображение рисовало какого-то сверхчеловека с головой, не похожей на головы простых смертных.

Руководители семинара по паружности не отличались от нас, но их выделяла простота, чуткость и трудолюбие.

- Только страница, выношенная в душе и десятки раз переделанная, может быть интересна для читателя, - советовал мне Коничев. - Не торопись. Быстрота писателю нужна как собаке пятая нога.

После окончания работы совещания на улице я встретил Яшина и Коничева. Забрав меня под руку, Александр Яковлевич пожаловался:

- Не признает меня земляк. К себе звал — не идет, а на улице не поймает. Теперь, браток, не отпущу.

- Боюсь примазаться к чужой славе. Увидят нас вологжане вместе, примут еще меня за какую-то знаменитость.

- С языком землячок-то. Пальца в рот не клади, - усмехнулся Коничев. - Ну ладно, мешать вам не буду.

У себя в номере Яшин долго расспрашивал о людях, их жизни, о реке, о лесе и записывал что-то в своем блокноте, а потом признался:

- Мысли мои из Москвы часто улетают в Блудново. С кожей оторвал я себя от деревни. Летом обязательно приеду. Поклонись от меня там Блуднову, реке и лесу.

Закурив, он взглянул на меня и спросил:

- Читал «Алёну»? Что скажешь?

- Все уже об этом сказано. Говорить что-либо сейчас — плевать против ветра.

- Я думал, ты скажешь не плевать, — усмехнулся Яшин. — О тебе я говорил с Викуловым и Коничевым, и мы пришли к одному мнению: при определенных условиях из тебя бы мог выйти неплохой литератор. Сможешь ли отдать себя целиком литературе?

- Я учитель, мое время занимает эта работа.

Дорога на Бобришный

Теплым июньским вечером, на Шарьинском тракте я встретил «Победу». Поравнявшись со мной, она остановилась. За рулем сидел Александр Яковлевич.

- Едем в Блудново рыбачить, предложил он и открыл дверку.

Соблазн был велик, но я отказался.

- Тогда приезжай завтра утром, на весь день уйдем на реку. Отдохнем. Ведь завтра у тебя выходной.

На другой день, как заправские рыбаки, мы стояли у дома Александра Яковлевича и гадали, в какие места идти.

- К устью Куданги, - предлагаю я.

- Нет, пойдем к Бобришному. Места там хорошие, - решает Яшин.

За деревней жизнь шла своим чередом: зеленел лес, пестрели цветы, тянули свои трели жаворонки, в низине стояли кулики. По обе стороны дороги поле было засеяно кукурузой. Растеньца, выкинув из земли по два-три листочка, пожелтели и, кажется, считали свои последние дни. Не радовали их никольское солнце и теплый юго-западный ветерок. Поле казалось серым, безжизненным. По нему, как по могилам, бродили грачи и справляли поминки по «королеве» полей.

Александр Яковлевич иногда сходил с дороги, выдирал южанку с корнями, отрывал листочки и зло бросал на дорогу.

На окраине поля мы увидели небольшого сухонького старичка в потрепанной фуфайке, лаптях и выгоревшем картузе старого покроя. Он вострил еловый кол. После взаимных приветствий он попросил:

- Покурить, Яковлевич, не найдется? Забыл кошелек с табаком.

Старик курит, почесывает бороду, как-то лукаво поглядывает на нас и прибаутками рассказывает о своей жизни:

- Разживаться начали. Яковлевич, блудновцы — земли от семян стало оставаться. Вот как. Вишь, поле-то засадили будто бы заморской королевой. Забавно все делали. Разграфили земельку, баб с лукошками и с острыми палками к каждой линейке поставили и скомацдовали: «Садите!» Тычут бабы палками в землю, в ямки по зернышку положат и хоронят. Захоронили, а меня поставили в охранники. Храни, говорят, плуце своего глаза. Проворонишь, в должности понизим.

Три недели она сидела, не показывалась. Наши через пяток дней в рост идут, а эта, брат, не торопится. Потом высунула по листочку, по два

Александр Яшин
на рыбалке

и замерла.

Бабы наши бадновские загубили. Что они понимают? Надо было к каждой королеве по королю садить, тогда бы дело пошло. Вылезла, шепчет, королева из земли, смотрит, а короля-то и близко нет, вроде бы как вдовая. Ну и пожелтела, зачахла. Вот сидит теперь и гадает: жить ей или умирать. В общем, я пошу решетом воду и живу по-бобыльски. Вчера ничего не варил, а сегодня вчерашнее дохлебываю.

Яшпи шел молча. Он мял в руках веточку березы и о чем-то думал. Рассказ старика напомнил мне бессмысленность некоторых дел и я поведал их Яшпину.

- В апреле всех директоров школ предупредили о том, чтобы они лучшие классы в своих школах приспособили для выращивания цыплят. В мае к нашей школе подкатил колхозный грузовик с четырьмя тысячами пернатых. Мне хотелось выругать шофера и женщин, приехавших с ним, и отправить их обратно, но приказ и для них и для меня - закон. Поместили мы пернатых в класс со всеми удобствами. Маленькие, пухленькие существа, без роду и племени, неутомимо чилькали, требовали еды и питья, а ночами сбивались в углы и давили друг друга. По школе они распустили такие фимиамы, от которых стошнило бы, кажется, покойника. От четырех тысяч осталось уже три. Мученически приняла свою смерть целая тысяча. Сейчас они покоятся на кладбище около школы.

На Бобришном

Яковлевич будто меня не слышит, смотрит на дорогу и идет к берегу. Река Юг в этих местах изгибается, как червяк, которого насаживают на крючок. Уткнувшись в твердые породы, она отворачивает от них и, делая замысловатые петли, зарывается глубже и глубже. В крутых поворотах один из берегов всегда высокий — обрывистый, такой, как Бобришный угор. С него через редкую хвою сосен и листву берез видна голубая лента реки, островок, поросший ивняком. И покрытые цветным ковром луга.

- Постоим здесь, - предложил Александр Яковлевич. - Люблю я этот уголок. Думается мне сделать здесь простую охотничью избушку, приезжать сюда летом и работать среди девственного леса и лугов, на

которых трудились наши отцы и деды.

У глубокого омута мы сидели до полдня и смотрели на неподвижные поплавки. Навышась утром, окуни и ерши дремали около берегов, а светлые рыбы резвились на перекатах.

Настроение у меня было гадкое. Оно начало портиться утром при посещении своей птицефермы. Разговор со стариком о кукурузной эпопее выбила меня совсем из нормальной колени. Хотелось высказать всё накопившее и я обрушился на Яшина.

- Почему в нашей литературе пишется только о том, что было и что будет? Почему нет показа настоящей жизни, её сложности? Почему своеволие отдельных людей вводится в закон? Почему за кукурузу и цыплят партийные взыскания дают и даже освобождают от работы?

О трудностях, конечно, и писать трудно, но отворачиваться от них нельзя. Теперь многих бросило в фантастику, в хвалебные гимны вроде «Кубанских казаков» - где сорок лет праздник, где труд считают чем-то ажурным, легким. Настоящий труд во всех его проявлениях тяжел, от него должен чувствовать усталость любой человек.

Страшнее всего то, что кой-кто от этих трудностей жизни прячет голову под крыло.

Александр Яковлевич долго смотрел на меня, будто видел впервые и спросил:

- Все? Ты что, ругаться пришел?

- Не Вам бы и не сказал. Вы ближе к светилам литературы и знакомее мне, перед Вами я выкладываю все, что мне мешает жить и работать. Надоело каждый день слушать рассказы, похожие на то, что сказал старик из Блуднова. Люди ежедневно меня спрашивают, просят объяснить, для чего делаются все эти причуды с торфоперегнойными горшочками, подсолнухом, кукурузой и цыплятами? Что я им могу ответить? Я знаю одно: нашей земельке хозяин должен поклониться десятки раз и не с пустыми руками, поклониться любовно, и она отблагодарит хозяина...

- Обожди, - остановил меня Яшин. - Под крыло головы я не прятал, не спрячу и тебе советую говорить и писать только правду. Если ты этого боишься, если на жизнь будешь смотреть чужими глазами, то из тебя писателя не выйдет. Надо иметь мужество говорить правду и защищать её.

От заводи мы перешли к перекату. Под корою сосны, лежавшей на берегу года два, я нашел большого белого закорыша и, насадив на крючок, забросил его на середину реки. Метров сто я прошел по берегу и следил за поплавком, потом это же проделал второй раз и только на третьем заходе поплавок нырнул и жилка натянулась. Большой голавль гулял по перебору и изгибал удочку. Кусты мешали его вытащить на берег и я повел его к гладкому берегу.

Александр Яковлевич крутился около меня и бодрил:

- Сюда, сюда его собаку тащи! Ну и штука! Смотри, какой лобастый.

У самого берега добыча заупрямилась. Голавль изогнулся, резко взмахнул хвостом и жилка с пустым крючком вылетела на берег.

Я сел на землю и выругался. Нелестные слова посыпались вдогонку сорвавшемуся голавлю. Яшин катался по траве, хохотал и успокаивал меня:

- Из соленой трески ушку-то варить придется. Как-то себя чувствует голавлик после крючка и твоей «молитвы»?

Резкие переходы в чувствах Александра Яковлевича я заметил давно. Так случилось и в этот раз. Лицо его стало серьезным, он подсел ко мне и спросил:

- Где ты научился мастерству ругаться? Понял, думаешь, голавль твои «молитвы»? Услышишь такой разговор, и на душе становится гадко. Здесь я часто слышу такие диалоги начальства со своими подчинёнными. Не стал бы я работать у такого начальника.

- Когда в болоте сидишь, от тебя болотом и пахнет, — пытался возразить я, — но в душе я был согласен с Яшиным.

- Если ты вылез из болота, то сначала вымойся, а потом иди к людям. Ладно ли вы живёте?

Какое вы имеете моральное право учить и воспитывать людей, если они от вас слышат такие «речи», если они видят своих «начальников» и «воспитателей» пьяными.

Так прошел день, в течение которого мы придирались друг к другу, обвиняли друг друга в грехах, которых на нас и не было.

Встреча в Вологде. Год 1960

В пятьдесят четвертом году я прочитал речь Александра Яковлевича на втором съезде писателей и понял, что он мужественный человек,

способен отстаивать свои убеждения.

Вот что он говорил:

«В 1951 году на моей родине, в Вологодской области, был неурожай. В отдельных районах и колхозах хлебов почти не собрали. А местные перестраховщики начали отдавать под суд председателей колхозов за невыполнение хлебозаготовок.

Я это время в своем родном колхозе и видел, что сложившаяся в результате стихийного бедствия обстановка требовала совсем других мер. И я до сих пор чувствую себя виноватым перед партией, перед своими земляками, что не проявил достойного гражданского мужества и не сделал сразу всего необходимого, чтобы добиться исправления явно ненормального положения. Оно было исправлено партией без моего, писательского, участия.

У меня, видимо, не хватило внутренней убежденности, что в наших советских условиях все, что в той или иной мере мешает людям жить счастливо и работать спокойно, все, что не соответствует нашим понятиям о справедливости, ничем не может быть оправдано.

А такая убежденность должна быть у нас в крови, ибо интересы народа есть интересы Коммунистической партии, а, значит, и наши писательские интересы.

С позиции советского человека, а не с позиции обывателя и ворчуна, мы можем и должны писать и говорить обо всем, что встречаем в жизни неверного, ошибочного, и мы никогда не ошибёмся. Мало поклясться в верности принципам социалистического реализма, надо драться за их торжество и в литературе и в самой жизни».

С этих же позиций выступал Яшин и на четвертом областном совещании писателей в Вологде в 1960 году.

В перерыв он подошел ко мне. В руках его было два томика альманаха «Литературной Вологодчины», в которых были напечатаны и мои рассказы.

- Смелее иди. Теперь тебе станет короче дорога в большую литературу. Кисельных берегов у тебя тут нет, а злости к гадкому хоть отбавляй. Почему ты сделал рассказы? Ведь материал-то очерковый, видал я точно такое на нашей родине. Меня что-то потянуло к прозе. Думаю написать очерк о Никольщине. Найти бы только зацепку.

Подумав, он гладит корочку книги и продолжает:

- Вас на этом совещании полсотни человек со всей области, и если бы из всех оказался хоть один хороший прозаик или поэт, знаешь, как много бы это значило для Вологды! И такие среди вас есть.

Вечером мы, в толпе людей, бродили по центральной улице Вологды. Люди идут, толпятся на автобусных остановках, едут, потоками вливаются в магазины и выходят из них с полными сумками и сетками.

- Зайдём в буфет, посидим, - открывая дверь, предложил Яшин.

Выпив стакан пива, он спросил:

- Ты всех никольских учителей знаешь? Понимаешь, что получилось. Собрался я сюда. До отхода поезда оставалось около часа и вдруг звонок. В квартиру вошел здоровенный мужчина средних лет. Сказался учителем из Никольского района и родиной из Кузнечихи. В больницу, говорит, попасть не могу, и с направлением не принимают. Я позвонил в больницу, разъяснил им кое-что. Обещали устроить. Нашел ведь как-то меня. Праздником для меня бывают дни, когда чем-либо поможешь своим землякам. Тянет родина к себе.

Да, а чем кончилось дело с кукурузой? Сколько выросло и возмужало твоих пернатых? Я в Москве рассказал о старике-соседе и о тебе своим коллегам. До слез смеялись, а прибаутки старика и теперь ходят среди нашей братии.

- Старика в должности не понизили. Он верой и правдой служил «вдовой королеве» и хранил её от грачей, пока поле не перепахали. У меня с птичником тоже кончилось без осложнений.

Вскоре после нашей встречи с Александром Яковлевичем на реке приехал в колхоз работник обкома. Председатель колхоза, видимо, решил показать, как выращиваются цыплята и привел его в школу. Шли последние экзамены в выпускном классе.

В коридоре проверяющие остановились, сморщились и прислушались. Сквозь непрерывное чильканье голодных цыплят доносились приглушенные ответы учащихся и голос учителя, ведущего экзамен. Перед открытой дверью в «цыплятник» работник обкома стоял минуты три, потом захлопнул её и ответ председателя к окну.

- Через три дня чтобы этой гадости не было в школе.

Переселив пернатых в дровяник из теса. Кончилась их «райская»

жизнь. Находились они в дровянике до первых чисел декабря. Осталось их около пяти сотен. Это были «герои», которые перенесли и скудную еду и наступающие зимние морозы.

Усмехнувшись, Александр Яковлевич вылил в стакан остаток пива и предложил:

- Хотя и не велики были у твоих пернатых души, но помянуть их надо. Действуй.

Несколько минут сидели молча.

- Расскажи еще что-либо. Только не о молочных реках и кисельных берегах.

- А не подведете меня?

- Этого не будет. А ты дрожь свою бросай. Правду-матку надо резать в глаза любому.

- Знаешь, Александр Яковлевич, что из этой резанины может получиться? Какую-либо подленькую собачонку ударишь на месте преступления за дело. Взвоет она. Услышит её вой соседка и поддержит. Обе, повизгивая на разные лады, бросятся по деревне. На их жалобы откликнутся дружки и подружки через несколько минут завоет всё четвероногое племя. Со мной так бывало.

Яшин встал.

- Мы с тобой коммунисты. Партия нас всегда защитит, если мы твердо будем стоять на её позициях, а это делать мы обязаны.

Вокруг «Вологодской свадьбы»

«Вологодскую свадьбу» в течение суток прочитал дважды. После первого чтения чувствовал себя как после сильного удара по голове. Факты, изложенные в очерке, путались, наскакивали один на другой и подменялись своими наблюдениями над никольской жизнью. Второй раз читал медленнее и внимательнее, и не нашел ни одного положения, которое бы мог опровергнуть.

В течение двух месяцев читали очерк во многих деревнях, а разговаривали о нем везде, где собирались по два-три человека. В марте я видел декабрьскую книжку «Нового мира» и поразился её зачитанностью. Довести книгу до такого состояния могли руки, которые перевернули каждый листок тысячи раз.

Вьюжным февральским вечером в Кожаевском сельском клубе собралась группа девушек и женщин. Они сидели около большого стола и оживленно беседовали.

- Во что, бабы. Я скажу. - толкует узколицая мамаша в плюшевой жакетке. - Первый раз в жизни слышу, чтобы такое про наши места в книгах писали. Просто диво, наша старинная свадьба описана. Ишь как раньше женились: и с причетами, и со всеми делами. Какие положено. И дружка, и тысяцкой — все на своих местах. Эх, вот так бы замуж-то выйти, наверное, и мы бы со своими не так жили.

- Про кино ладно сказано, - поддержала говорившую соседка в полушубке. — Санька у меня четвертый год замужем в другой деревне и бабой не видела ни одного кино. А я, бабоньки, полвека прожила, а золезной дороги не видела, окромя как на картинках. Бают, стучает, стучает и рычит по бычьи, а трясёт хуже, чем в кузове автомашины.

Разговоры мужичьи у пива правдушные. Выпьют по стакану вина али «мозгодрибировки» и начнут жизнь исправлять, - продолжает тётка в ватнике. - Мой покойный Иван, не тем будь помянут, трезвым человек человеком был, а как попадет за воротник и враньё из него пойдет, как лай из собачьей головы. А у твоего, кума, рёвом похмелье выходит. Как палки слезы закапают. Он размазывает их одной рукой по лицу, а вторую к стакану тянет. А есть и драчуны.

Япина-то я летось видела, высокий, статный и живет, видно, справно. Увижу если ещe, поклонюсь до самой земли за его правду. Так ведь, бабы?

- Ну, знамо, так! Можа после этого на лыжах-то, да по приморозку косить перестанем.

- А я бы ему спасибо сказала за то, что о нас, горемыках, которые ночуют в гобцах, на сеновалах или у соседей, правду написал. Мне в прошлом году муж такое восьмое марта устроил, что этого праздника я всю жизнь не забуду. Топором изрубил все мои сарафаны и кофты.

У мужчин разговоры другие. Собравшись у соседа, или в избе, где дают наряды на работу, они курят и разговаривают о своей жизни. «Вологодская свадьба» воскресила в их памяти многое забытое. Начинают с фактов, указанных в очерке, прибавляют то, что они видели и испытали сами. Пропитые камни, обсчет колхозов при продаже

льнопродукции и скота, пол-литра водки для шофера самосвала за услуги - для них факты будничные и бледные. Они вспоминают похлестче.

Из всех разговоров вывод делается один: «белая головка» пока в почете на Никольщине и она сбивает с правильного пути многих людей.

Люди, которые судили о жизни никольчан только по телефонным разговорам, которые желаемое принимали за действительное, об очерке были иного мнения.

В городе обсуждение «Вологодской свадьбы» проходило в читальном зале библиотеки. Особо рьяные ораторы, прежде всего, потревожили прах дедушек и бабушек поэта, ложили их в основу своих речей и умозаключали.

Начал с лаптей, кончил берестяными пестерями, солонками и пряжами. В его писанине нет ни одного путного человека. Это клевета на никольскую жизнь! Лаптей, пестерей, заячьих троп, темных углов у нас нет. Вот цифры.

Выкормила его никольская земля и в люди вывела, а он отблагодарил земляков враньиной. Отказаться надо от такого земляка и закрыть ему дорогу в Никольск.

Направление в оценке творчества земляка подхватили любители «новизны» в школах.

12 февраля 1963 года мне пришлось быть на комсомольском собрании в Байдаровской школе, где проводился разбор творчества Яшина. На классной доске написаны вопросы: 1. Насколько правдиво Яшин изобразил нашу действительность? 2. Чему учит «Вологодская свадьба»? 3. Какие мы должны сделать выводы?

Учитель русского языка и литературы спросил собравшихся, все ли они прочитали «Вологодскую свадьбу» и предоставил слово учащимся.

С полчаса продолжалась дискуссия. Мальчики и девочки играли словами. Кто по бумажке, а кто по памяти обвиняли писателя в искажении действительности, в слабой отработке отдельных частей очерка.

После собрания я спросил учителя:

- Для чего ты делал эту комедию?

Он посмотрел на меня, как на выходца с того света, и изрек:

- Мероприятия-то проводить надо. Директор посоветовал. А ты, что от жизни отстал?

Во мне кипела злость на всю эту брехню. Кой-кому я пытался растолковать смысл очерка, а некоторым даже грубил.

Встреча в Москве

В июне 1963 года я оказался в Москве. Поезд пришел утром, а на Ригу отправлялся ночью. День был свободен и я зашел к Александру Яковлевичу на квартиру.

В большой серый дом писателей, в Лаврушинском переулке, я всегда входил с каким-то душевным трепетом. В нем жили и работали люди, имена и фамилии которых известны грамотным всей нашей планете. Здесь жил и наш земляк.

Каким-то усталым, осунувшимся показался мне Александр Яковлевич. Он смотрит на меня, качает головой и поясняет:

- Износился ты тоже, Сашка, сморщился.

- В Ригу еду разглаживать морщины. Дома пытался с лица их спести начисто, но не удалась затея.

- Давай садись. Хочешь чаю?

Усевшись в кресло за свой рабочий стол, Яшин вздохнул:

- А я здесь тоже собирался отдать богу душу. Трое суток мы с ним сговаривались. Он и согласился вначале принять её, а потом заупрямился. С никольскими делами, говорит, сначала разделайся, и только тогда ко мне лезь. Три дня врачи дежурили у моей койки. Нервы пошаливать начали.

Достав из ящика стола пачку с письмами, он, перекладывая их, спросил:

- Почему из-за «Вологодской свадьбы» в Никольске подняли такой шум? Я хотел сделать так, чтобы земляки жили, как и все люди: ездили по хорошим дорогам, слушали радио, смотрели кино, чтоб в каждой избе горели лампочки Ильича и освещали счастливую жизнь каждой семьи.

- Так и поняло большинство, - уверял я писателя, - но у нас есть люди, которые свои дела видят только в розовом цвете. «Вологодская свадьба» прищелась им не по душе.

Яшин подал мне папку с письмами. Это искренние, доброжелательные слова рядовых колхозников из Блуднова, Плаксина, Теребаева, письмо учителя Павлова. Я читаю их и поглядываю на Александра Яковлевича.

Он, подперев рукой голову, смотрит в окно на Кремль, на золоченые

купола церквей и молчит. Мне кажется, что думает он не о московских улицах, не о кремлевских зубцах и башнях. Его мысли в лесах Вологодчины, в долине Юга, на Бобришном угоре.

Молча он подает вторую папку. В ней «рыцари пера» кричат как базарные торговки.

- Поосторожнее, товарищ писатель!

- Клеветать на нас не позволим!

Несколько страниц, напечатанных на машинке, подводят итог: «За земляка мы Вас не считаем и отрекаемся от такого землячества!»

- Что скажешь? - спросил Яшин.

- Брось ты все это в печку, а вот эти письма сохрани. Здесь голоса твоих настоящих земляков.

Я хорошо понимал душевное состояние Александра Яковлевича и мне было его жаль. Человек, на себе испытавший нужду, воспитывавшийся с одним родителем или круглой сиротой, бывает очень чувствителен к чужому горю. На всякую несправедливость он обрушивается всеми своими силами. Не случайны в очерке те две женщины, толкующие о своих нареченных, не случайны чванливые гости, приложенные к самосвалу, и не случайны разговоры подгулявших соседей.

- Время у тебя еще есть, поедem покажу Москву, - предложил Яшин. «Победа» выносит нас из Лаврушинского переулка и вливается в поток машин различной окраски и различных марок.

- Гадко у меня на душе, - не отводя глаз от ветрового стекла, пожаловался Александр Яковлевич. — Приглашают меня в Рязань, в Кострому, в Краснодарский край. Иногда соглашаюсь я с этими приглашениями, но как вспомню Блудново, сразу меркнут все переселения. Поеду в Вологду. От родной матери любое наказание переносить легче. Там у меня есть друзья, единомышленники, они помогут забыть всю эту свистопляску. Да и зачем убегать? От своей тени не оторвешься.

Мы долго кружили по улицам большого и незнакомого мне города. Когда я вышел из машины, Яшин крепко пожал мне руку.

На Бобришном в августе 1963

- После курорта приходи на Бобришный угор. Там я буду.

В августе на Бобришном угоре уже стояла изба из соснового леса, покрытая шифером, с настланными полами и потолками. Простые её

окна смотрели на излучину реки.

Печник возился с глиной и кирпичами, рассказывая о секретах своего мастерства, а Яшин помогал ему и иногда записывал названия печных инструментов и их назначение.

— Пришел кстати, мне нужно с тобой серьезно поговорить. Идем на берег.

Придерживаясь за стволы сосен и берез, спускаемся к реке.

— Как встретили земляки?

— По деревням хожу как именинник, а некоторые от моего приезда сморщились. Какие есть двуликие люди. То с ликом святоши выются около тебя, то показывают оскал волчьих зубов.

У самой воды мы сели на бревно. Александр Яковлевич смотрит на прыгающих по песчаной отмели петушков и сообщает:

— В нашей газете я читал твой последний рассказ «Расправа». Для чего ты его написал? Кому пужно такое чтение? На протяжении десятка лет ты зло высмеивал хапуг, пьяниц, лодырей, тунеядцев — людей, мешающих развитию нашего общества, и вдруг расчувствовался.

Вместо того, чтобы отправить рукописи в издательство, бросил их в печку. Спрятал их от народа и сам перестал замечать недостатки. Утром встал со свежей головой, вышел на улицу и увидел жизнь. чистую как стеклышко, без сучка и задоринки. Таков, кажется, сюжет?

Я молча ковырял палочкой землю около своих ног и боялся взглянуть на Яшина. Суровый голос правды требовал:

— Вот что пойми, Сашка. Литература не игрушка, крохами времени она не довольствуется, а требует всего человека без остатка. Ты не первый рассказ написал и спрос за все, что выходит из-под твоего пера, должен быть строгим. Если бы ты работал над материалом так, как работают настоящие писатели, то такого «чтива» как «Расправа» у тебя не получилось.

То, что у тебя печаталось в «Красном Севере», я читал в Москве. От души смеялись мы с соседями над твоими микрорассказами и фельетонами: «Кто из кого комедию сделал?», «Доровские музыканты», «В глубокие бы омота». Нашу газету с твоими юморесками я видел здесь, в деревнях, и знаешь, где её хранят? Лежат они в переднем углу за иконами, берегут их люди и перечитывают. Своих стихов я в таких местах не находил, а

хотел бы этого. Радовался я за тебя, что всташь ты на правильный путь, что выходит на дорогу жизни сатирик — мой земляк.

Что же случилось с тобой?

- Смалодушничал я, испугался того, что сделали с тобой.

Яшин усмехнулся:

- Меня клюют, а у тебя душа в пятки ушла. Теперь-то ты понял?

Что скажешь?

Последняя встреча

- В Блудново приехал Василий Белов, - сообщил мне знакомый учитель. - Живут они с Яшиным на Бобришном угоре.

Желание увидеть их обоих вместе снова меня привело в охотничью избушку на берегу Юга.

С Беловым мы встречались на совещаниях в Вологде. Он читал и рецензировал мои рассказы. У нас с ним установились доброжелательные отношения.

В избе была сестра Яшина - Александра. Пахло свежеструганным лесом. На полу играли солнечные зайчики от лучей. Пробивавшихся через кроны деревьев.

- Где хозяйева? - спросил я.

- Один под окном плотничает, а Саша на реке.

Белов сидел на лавочке у стены и подделывал к раме шарнир. Избушка среди сосен и берез, копошащийся около нее человек небольшого роста с густой бородой и добродушно смотрящими глазами, напомнили мне лубочные картинки о прозорливых праведниках. Какой-то теплотой повеяла она на меня. Хотелось сидеть около этой избы и слушать рассказы этого скромного человека.

- Садись, - предложил Василий Иванович.

- Стамеску и молоток ваши руки умеют держать.

- Я ведь работал в бригаде плотников. Они меня кой-чему научили, - признался Белов. — Пригодилась и здесь их наука. Саша просил сделать так, чтобы окно открывалось. Писать тебе надо. В Вологде давно не был?

Я достал папиросы и предложил Белову. Он осмотрелся кругом, взял папиросу, закурил и предупредил:

- При Александре Яковлевиче не кури, бросает он это занятие. Плохо, Платоныч, у него дело. Сам увидишь. Он вон, около того плеса.

Я пошел по берегу. Река жила своей августовской жизнью. Вода отстоялась и была настолько прозрачна, что на дне отчетливо виднелись мелкие камешки. В густых кустах шиповника возились и свистели маленькие пичуги.

Александр Яковлевич стоял за кустом. Держа в одной руке удочку, другой он показал мне на землю около себя. Около дороги в траве блестели несколько сорожек, а на самой дороге щетились и изгибались только что снятый с крючка ерш.

Яшин сильно изменился. Он стал как бы выше, одежда казалась широковатой. Осунувшиеся щеки сильно выставили скулы, но худобу лица немного скрывали небольшие рыжие усики. Во взгляде виднелась грусть, движения были вялыми.

- Что с Вами? - спросил я, усаживаясь на траву.

Он положил удочку на кусты, подсел ко мне и, указав на живот, пожаловался:

- Тут у меня непорядок и, кажется, серьезный. Будто так появилось что-то лишнее и временами жжет как огнем. Тяжело. А жить, Сашка, хочется. Многого еще задумано, десяток лет бы еще поработать. Нет, наверное, скоро конец. Умрем мы, а лес, река, кусты останутся такими же. Потом сюда приди, Сашка, посмотри на все моими глазами.

У меня перехватило дыхание. Отвернувшись, я шарю в карманах, в руки попадает пачка папирос, но я вспоминаю предупреждение Белова.

- А что говорит медицина? Ужель она бессильна?

Над нами со свистом пронеслась стая уток и шлепнулась в озеро на другом берегу.

- Такого мотора и крыльев, конечно, медики мне не вставят, но буду надеяться на лучшее.

Александр Яковлевич сменил червя на крючке и снова подсел ко мне:

- Прочитал я твой «Вирус» и вспомнился мне один московский случай. За одним известным поэтом водились странности. Общего для него не существует, а свою копейку хранит крепко. Для того, чтобы приобрести её, он идет на любой компромисс. Об этом его предупреждали,

указывали, но он делал свое. Тогда в Союзе писателей решили над ним подшутить. А мастеров там на такие дела много. Позвонили ему на квартиру и елеиным голосом от имени правления православной церкви предложили написать текст христианского гимна. Возмутился он сначала и упрекнул предлагавшего за несуразность разговора: «Я советский писатель, коммунист, и вы предлагаете такие дела».

Ему назвали вымышленную, но солидную сумму, ассигнованную на текст гимна. Герой сразу забыл о роли писателя в нашем обществе и обещал подумать. На второй звонок он ответил согласием и попросил его проконсультировать. Из Союза писателей прислали за ним машину и привезли не к святейшему патриарху, а к шутникам-писателям.

Забыл он все это скоро и, как прежде, выжимает для себя копейки. Вот где нужны Гоголь и Щедрин, и они в свое время будут.

- Пойдем домой, не клюет рыба.

- Искать её надо, как слова, - пояснил я.

- Да, это дается не каждому, а вот Белов умеет находить их. Далеко он пойдет.

Комментарий составителя к шутке над “известным поэтом”

Летом 1972 года приехал я в Москву и при встрече с Леонидом Фроловым спросил его: «Кто же тот «известный поэт», над которым подшутили в Союзе писателей?»

«Автор «Дяди Степы»» и соавтор гимна Советского Союза. Над ним смеётся вся Москва».

Прошло с того разговора более 20 лет. В «Литературной России» от 2 апреля 1993 года в связи с 80-летием Сергея Михалкова опубликована беседа-интервью с юбиляром. Сергей Владимирович ответил на вопросы. Один ответ на вопрос Кузьмина прояснил позицию Михалкова.

Вопрос: «Сегодня, когда многие, в том числе и Ваши коллеги по литературе, сдали свои партийные билеты, Вы остаетесь коммунистом?»

Ответ: «Я никогда не был коммунистом. Я был членом партии. По правилам того времени человек должен быть членом партии, чтобы

получить возможность полно проявить себя в общественной жизни. Не член партии не мог стать редактором газеты, командиром дивизии. И я понял, что как член партии, могу принести больше пользы, решая общие вопросы вместе со всеми.

Но коммунистом я не был. Коммунист - это категория нравственно-идейная. Это особый образ жизни и поведения.

Я не был коммунистом уже только потому, что ходил в церковь, крестил своих детей.

А разве были коммунистами многие партийные функционеры, да и деятели повыше, которые жили на широкую ногу, по-барски, далеко не по-коммунистически? В высшем смысле этого слова?.

Яшин и Михалков - одногодки. Оба - поэты. А какая меж ними разница!!!

В начале декабря 1939 года Яшина не взяли в добровольческий лыжный батальон, формирующийся для отправки на войну с Финляндией, так как он был исключен из комсомола за «симпатию к зажиточным крестьянам-кулакам»...

28 июня 1941 года Александр Яшин пишет заявление о вступлении в партию и о твердом намерении идти на фронт. Мы знаем о боевом пути Яшина по его военной поэзии и прозе.

В мирное время Александр Яковлевич -- на строительстве гидроэлектростанции на Волге, а чуть позже -- на целинных землях Алтая.

В 1956 году публикует рассказ «Рычаги» и получает «нахлобучку» от ЦК КПСС.

Затем - «Вологодская свадьба». И шквал-лавина необоснованной критики газетно-журнальной...

Был бы Яшин двуликим Янусом, как Михалков, то повременил бы с публикацией очерка месяца четыре и получил бы орден к своему 50-летию или другой поощрительный знак внимания со стороны «верхов». Но Яшин идет своим путем: пишет тревожные рассказы «Угощаю рябиной», «Старый валенок» и другие, в которых -- боль за судьбу русской деревни.

В 1966 году -- стихотворение «Я обречен на подвиг». Стихотворение исповедальное и заканчивается символически: Земли не чуя сдуру.

Восторженно визжа,
Ползу на амбразуру,
Клинок в зубах держа.

Сергей Михалков «ходил в церковь, крестил своих детей», учил их приспособляться к любому режиму. И не случайно его отпрыск Никита строил с Черномырдиным «Наш дом — Россию», а затем из «сэкономленных материалов» сляпал «Сибирского цирюльника», и выступает в роли Ментора на кинофестивалях.

Глеб Кузьмин: «Сергей Владимирович! А кто из официальных лиц поздравил Вас с 80-летием?»

Ответ: « На торжественном собрании выступил вице-президент Александр Владимирович Рудкой, отметив мой личный вклад в литературу, искусство, общественную деятельность и вручил мне «Орден Дружбы народов». Очень добрые слова высказал мне в своей телеграмме Виктор Степанович Черномырдин.

От имени Верховного Совета меня поздравил Руслан Имранович Хасбулатов».

Приближается 90-летие Яшина. Как и кто будет отмечать в Москве бессмертные трудов Яшина — вопрос интересный.

А 90-летие процветающего Михалкова, конечно же, будет отмечено с обычной официальной помпезностью

Встреча прощальная

Летом 1968 года тяжелая болезнь приковала Александра Яковлевича к постели. Но и в этом состоянии поэта не покидает мужество. Находясь в больнице, лежа пишет стихи о жизни, о неповторимой природе Вологодчины.

Из Никольска в Москву едет делегация, которая доставила поэту-земляку маленькую сосенку с Бобришного Угора.

Я представлял радость человека, когда на его больничный стол было поставлено деревце с родины.

Смерть уже кралась к нему и, чувствуя её ледящее дыхание, страшно мучаясь, он просил похоронить его на родном Бобришном угоре, среди немых свидетелей его детства: сосен и берез, на месте, с которого видна река Юг.

11 июля 1968 года перестало биться сердце нашего земляка-поэта.

Прах его привезли в Блудново.

В день похорон Никольск жил особой жизнью. Машины, автобусы, идущие в Блудново, волны пароду. Фасад дома, где провел свое детство Александр Яковлевич, сплошь уставлен венками от организаций Никольска, от почитателей его таланта. Сотни людей толпятся на улице.

С тяжелым чувством я переступаю порог и боюсь увидеть мертвым человека, с которым жизнь сводила нас при различных обстоятельствах, который дал мне много умных советов и был для меня примером трудолюбия, правдивости и мужества.

В избе тесно. Около гроба с телом покойного сидят, опустив головы, мать, сестра, родственники и соседи. На лавке, у маленькой печки, сидит Белов. Он смотрит в угол, на лицо Яшина, на провалившиеся его щеки, закрытые глаза и платком утирает слезы. В избу заходят Александр Романов, Виктор Коротаев, Юрий Бургин и молча смотрят на лицо поэта.

По полю, через которое мы много раз проходили с Александром Яковлевичем, тянется поток людей. Несут венки и гроб. Я несу крышку гроба. По обе стороны дороги чуть-чуть шелестят наливающиеся колосья ржи. Они тоже провожают своего человека. В десятке метров от избы, между двух берез, под которыми любил сидеть покойный, вырыта могила.

На свежевыбросанной земле, перед гробом, скромный и простой Василий Белов.

Я осиротел дважды. Это был мой второй отец.

Речи, ружейные залпы, всхлипывания и стук земли о крышку гроба.

Прощай, Александр Яковлевич! Прощай, земля! Прах твой в родных местах. Сюда будут приходить люди и вспоминать добрые дела, которые ты спешил делать.

Каждую весну склон к реке покрывается голубыми цветами, летом шумит над ним листва берез и осин, осенью - загораются гроздьи рябины, пролетают треугольники журавлей, зима по-своему нарядит Бобришный Угор и на её наряд посмотрит с ветвей побелевшая белка и оставит на снегу замысловатые следы зайца.

Память о нём жива

Ребята из литературного кружка Кожаевской школы пятый год занимаются изучением жизни и творчества Пшеничникова Александра

Платоновича, первого директора школы, талантливого журналиста и писателя, близкого друга и однокурсника Александра Яшина, интереснейшего человека и замечательного педагога. Начали с записи воспоминаний о нем бывших его учеников и коллег, как о педагоге и директоре школы. Все, с кем мы ни встречались, отзывались о нём с большой теплотой. Отзывались как об очень добром и справедливом учителе, внимательном и мудром руководителе школы. Вот одно из таких воспоминаний, записанных Дербиной Валей у своей матери, выпускницы Кожавеской школы.

«Моя мама, Дербина Екатерина Николаевна, знала директора школы Александра Платоновича. Жил он в школе, носил большие волосы, ходил крупными шагами. Любил природу, знал поэта Яшина, часто ходил с ним на рыбалку. Много писал в районную газету «Никольский коммунарь». Помню одну его статью «Сеня милой, сено сгнило», над которой мы очень смеялись. Преподавал он географию. Мы хорошо понимали его объяснение. Был он общественником, очень трудолюбивым человеком, требовательным учителем, знал характер каждого ученика и родителя, часто встречался с семьями. Сам всех уважал, и его тоже уважали и любили».

Много интересных материалов предоставила нам дочь Александра Платоновича Людмила Александровна. Это и рукописи его рассказов, документальные материалы о его педагогической деятельности, многочисленные награды и поощрения за работу в газете, за общественную работу и воспитание молодого поколения. Самыми интересными для нас, конечно, были письма Александра Яшина и Сергея Викулова Александру Платоновичу, из которых мы узнали о высокой оценке творчества сельского корреспондента.

Сергей Викулов, возглавлявший в те годы Вологодскую писательскую организацию, предложил «поработать с годик, сделать с десяток хороших рассказов и можно будет издать книжку».

Но книжку Александр Платонович, к сожалению, так и не успел издать. Слишком рано оборвалась его жизнь, да и времени для такой большой работы над книгой не было, так как основным его трудом была работа в школе. Работа директора, у которого очень много забот и хлопот. 27 лет он был директором Родюкинской школы, поэтому писать

приходилось ночами да урывками от многих других дел. И все же сделать ему удалось немало. Нас поразило то, каким смелым был этот человек, когда писал о недостатках и уродливых явлениях окружающей действительности. Он не боялся того, что это может не понравиться «героям» его фельетонов и рассказов. И за эту правду он не раз смотрел в глаза смерти. Вот как он об этом рассказывает в своей заметке «Мудрый совет», написанной в 1970 году.

«В ненастную ноябрьскую ночь 1932 года около деревни Марково из-за хлебных скирд раздался ружейный выстрел. Одновременно с ним я услышал звук похожий на тот, который издает лопнувшая струна. Звук пронесся над головой и замер в темноте ночи. Тревожным был сон в ту ночь, более суток сохранялось такое нервное напряжение, что я ничего не мог держать в руках.

В январе инцидент повторился на марковском «игрище». Поздно вечером в избу, где собралась молодежь, ввалились трое пьяных мужчин. Звякнуло ламповое стекло, слетевшее на пол, язычок пламени на мгновение выпрыгнул из горелки и потух. На миг я встретил бычий взгляд человеческих глаз, налитых кровью и холодный блеск лезвия финки. Сильные молодые руки сорвали меня с места, толкнули в угол, девушки и парни отгородили меня от бесчинств хулиганов. Связывая эти события, мой хозяин, умный добродушный крестьянин, размышлял и советовал:

- Из-за газеты все это. Газета - это драка правды с кривдой. Страшная драка не на жизнь, а на смерть. Кривда пошла изворотлива, последние её помощники — пуля и нож. Слышал ты, как поет смерть и видел финку. Промазали они, а тебе надо бить наверняка и без боязни. Если дрожь в душе слышишь, - не лезь в драку».

Совет этот я вспоминаю очень часто, когда сажусь писать и не забуду его, пока буду жив».

Александр Платонович охотно отзывался на просьбы Вологодского книжного издательства. Принимал участие в создании книги «Герои наших дней», куда вошли очерки о трудовых подвигах вологжан. Среди них мы нашли очерки об учителе нашей школы Воронине Николае Петровиче, ныне пенсионере, об учителях района Плотникове Николае Федоровиче, Лобковой Клавдии Ивановне, Москалевой Людмиле Васильевне и других.

По просьбе районной газеты «Авангард» были написаны воспоминания о встречах и дружбе с Яшиным, вошедшие позднее в книгу «Земляки помнят». В этой книге на странице 75 помещены материалы под заголовком «Неповторимое, незабываемое».

Самой большой радостью для ребят-кружковцев стало то, что в руки к ним попал альбом, составленный самим А.П. Пшеничниковым, как творческий отчет за двадцать лет работы в газете, который, очевидно, задумывался как вариант его будущей книги. Именно в этом альбоме ребята нашли многое, что было им еще не известно из творчества Пшеничникова. Ребята знали лишь то, что было опубликовано на страницах районной газеты «Авангард» и только в последние годы. Здесь был фельетон «Злоумышленница» и ребята решили подготовить инсценировку по этому произведению.

Зоя Петровна Ширунова с кружковцами

Члены литературного кружка выступили во всех классах с рассказами об этом человеке, подготовили выступление на районный литературный праздник, посвятив это выступление дружбе Александра Платоновича с Александром Яковлевичем.

В день смерти А.П. Пшеничникова 17 ноября в школе прошел «Час памяти», на котором присутствовала его дочь, его бывшие ученики, коллеги, поделившиеся воспоминаниями. В кабинете литературы оформлена музейная экспозиция «Пшеничников А.П. - педагог, журналист, писатель», на которой представлены документальные материалы, фотографии, газетные вырезки, произведения, награды.

Кружковцы с большой любовью отобрали и оформили сигнальный экземпляр книжки рассказов Александра Платоновича, которую назвали «Свет, идущий к людям», по названию одного из его очерков. И сейчас кожаевские школьники ищут спонсоров, которые помогли бы издать эту книжку. Ведь произведения Пшеничникова прочитали бы с интересом никольчане (и не только!), знавшие по творчество по газетам. Именно

в старых подшивках нашли ребята номер «Авангард» от 24 июля 1965 года, в котором прочли юмореску «Приезжайте в Кожасво!». Из нее узнали очень занимательную историю образования прудов около школы или о том, как кожаевцы речку Полевницу хотели всыпать повернуть.

Родным и близким стал А.П. Пшеничкинков для сегодняшних кожаевских школьников. И они убеждены, что его имя должно занять достойное место в судьбе земли Никольской и ни в коем случае не должно быть забыто. Этот человек достоин того, чтобы школа, которой отдана практически вся жизнь без остатка, носила его имя. Здесь помнят его: директора, учителя, человека.

Зоя Ширунова, Кожасвская школа.

«Авангард» от 13 июля 1999 года.

Приезжайте в Кожасво!

В течение всей жизни Александр Платонович совмещал основную работу с литературной: им написаны десятки рассказов, юморесок, фельетонов, публиковавшихся в районной и областных газетах. Их необходимо собрать и без какого-либо редакционного «урезания» издать отдельной книгой в ближайшее время. Сегодняшний и будущий читатель увидит в этой книге жизнь школы, колхоза, района в натуральном (непридуманном) виде.

Эту книгу Александра Платоновича завершаем фельетоном, опубликованном в «Авангарде» 24 июля 1965 года.

Фельетон

Если вы расскажете кожаевцам что-либо хорошее о деревне, в которой живете, они непринужденно улыбнутся и уверят:

- Всё это ерунда. Любая деревня против Кожасва жижка. Во-первых, у нас большая дорога и до города доплатить можно, во-вторых, в двух километрах от нас река и самое глубокое в районе озеро. Мы через день новые кинокартины смотрим, почта у нас с телефоном-аппаратом, восьмилетка, медпункт и магазин московского образца.

- Грибов хотите? От поганки до сморчка у нас их навалом. Живописнее наших мест нет на свете. С субботы до понедельника и окрестностях Кожасва также трудно найти свободное место, как в ларьке у кладбища, когда в нем бывает пиво. Рисуют, фотографируют, загорают,

варят уху из соленой трески и запивают смесью югской воды с московской.

- Да что говорить, у нас одних примачков около десятка живет. В плохую деревню их на цени не приведешь, а к нам лезут как мухи на мед.

- Дома меняют свой облик в Кожяеве, как модница платья. Блестит деревня всеми цветами радуги и кричит:

- Учитесь жить у меня!

Среди патриотических суждений, когда кожьяевцы бывают одни, иногда проскальзывают нотки недовольства. Ропот идет в адрес небесной канцелярии.

- Не услужили, видимо, наши старики какому-то херувиму и наделал он нам гадости. У козловцев речка по середине деревни идет, у плаксинцев две по краям, а в Кожяеве — ни одной. Ну где же тут справедливость!

- Полевицу надо перевернуть в деревню и около большой дороги водоем сделать!

- С такой-то техникой тут раз плюнуть! — храбрились механизаторы.

- Карманами землю выносим! — клялись кожьяевцы от мала до велика.

И вот в сентябре 1959 года началось исправление ошибки природы. Два трактора канавоконателем проложили будущее русло речки. Строительство плотин задержали дела да случаи, и Полевица зиму несла свои воды по старой дорожке.

Весной 1960 года кожьяевцы взялись за дело по-настоящему. Бульдозеры распахали неровности, тракторы подвезли песок и хвою для насыпей, а люди с топорами и лопатами обрушились на капризную речку.

В минуты отдыха вслух мечтали кожьяевцы:

- Рыбу теперь надо разводить здесь. Завозную только, получше которая. Надоела из своей реки — костовата больно.

- И водоплавающих можно закупать: и мясо и пух будут. Хватит, потеряли бока о солому.

- А какое украшение речка и водохранилище сделают для деревни, судили приемки. Едет, к примеру, по Кожяеву холостой человек и видит: в водоеме плавают лебеди, гуси, утки с утятами кувыркаются, а около

берегов зеркальные картины твоятся — и обязательно решит иметь тещу только в Кожаве. До двух десятков нашего брата в деревню наберется. Вот тогда и соберем приманкий съезд.

- У тебя, директор, будет не житье, а сказка. Под окном речка журчит, открой его и удочкой таскай рыбу прямо на сковородку.

Как же тут не работать! Около недели трудился я с топором, лопатой и даже пригоршнями выбрасывал глину на будущего русла.

В святую «Троицу» два бульдозера около большой дороги сделали котлован. Радовались люди работе этих чудо-богатырей, только старухи шипели:

- В такой-то день землю рыть вздумали! Антихристы! Накажет вас господь бог.

После этих угроз кончился порох у кожаевцев. Заглушили они машины, побросали лопаты и расселись около чашек с брагой. На второй день опохмеляться ушли в Плаксино, потом в Дор справлять «Заговинье», а первое воскресенье гуляли в Кузнечихе.

Вода Полевицы сначала рвалась к деревне, потом полилась через насыпи, размыва их и потекла по старому руслу.

Пять лет прошло с начала этой стройки. Что она теперь представляет, описывать не буду, тут нужен особый талант. Приезжайте в Кожаво сами, надежней свой глаз, а пояснения кой-какие я сделаю.

От Никольска до Кожаве недалеко. Пока свинной гурт идет от отворотки в аэропорт до Кузнечихи, вы у нас будете. Через нашу деревню проходит шесть автобусов, но вы не суйтесь в них, поберегите ребра и свою драгоценную жизнь. Если даже и не произойдет ничего с ребрами, то окажетесь не в Кожаве, а в Пермасе, или в Завражье, или в Дунилове. Остановка-то у нас есть, дощечка на столб прибита, а водители этой дощечки часто не видят. На грузовые автомашины попасть не пытайтесь, - не положено. Езжайте лучше на своем транспорте или прогуляйтесь пешком.

Не вздумайте о своем прибытии извещать меня телеграммой или звонить по телефону. У нас установлены глухонемые телефоны-автоматы, молчат как рыбы, и телеграмму доставят к нам автомашиной на третий день после вашего выбытия из Кожаве. Итак, встречаю вас на живописных берегах кожавской лужи! С земли вся панорама стройки,

окрестности Кожаева не видны. Поднимаемся на балкон интерната. Садитесь! Закуривайте и любуйтесь водохранилищем! Странный свойством обладает его вода, на неё не действует цвет неба, в любую погоду она сохраняет сходство с неперебродившей «ханьгой» Изогнутой шеи лебеда, уток с утятами, зеркальных карпов тут нет. Последние исследования этого водоема показали, что в нем могут жить только мотыли и их превеликое множество. В Москве килограмм мотыля стоит полсотни рублей и выходит, что дно водоема выстлано сотенными бумажками. Поняли?

Н и ж е
большой дороги,
к реке идет сухая
канава, поросшая
особым сортом
крапивы. В
поле дно её
с м а ч и в а е т
н е б о л ь ш о й
к л ю ч и к . Т у д а
х о д и т ь н е
с о в е т у ю . О к о л о
к о н ю ш н и м о ж н о
н а п о р о т ь с я н а
д е р у щ и х с я и з - з а
в о д ы л о ш а д е й . В
л ю д с к у ю д р а к у
с о в а т ь с я о п а с н о ,
а л о ш а д и н ы е
к о п ы т а п о у в е с и с т е й
к у л а к о в . Е с л и
м и н у т е в ы л о ш а д и н о е
п о б о и щ е , т о
у в и д и т е ж е н щ и н ,
п а ч к а ю щ и х б е л ь е .
О н и в К о ж а е в е
и т а к о с т р о я з ы к и ,
а о к о л о к о р ы т а ,
к о т о р о е в к а н а в у
п р и в о л о к л и с а м и ,
м о г у т н а г о в о р и т ь
м н о г о н е п р и с т о й н о г о .

Александр Александрович и Людмила Александровна
Пшеничниковы у могил родителей.

Советую обратить внимание еще на сооружение в поле. Видите дорогу в Дор, левее её фигуру, похожую на огромное ископаемое животное. Это сушилка. Скоро будем справлять пятилетие начала её строительства, а достроится она не раньше семидесятого года. Нерукогворный памятник строит тут себе правление колхоза «Россия».

Вот за теми черемухами наш клуб. О его работе много говорят и пишут, показывают другим как образец, но о главном почему-то молчат,

а оно вот в чем: в нем выводится морозоустойчивый тип зав клубом. Зимой в клубе температура с уличной одинакова. И для того, чтобы не поймать какой-либо насморк, мужчины перед началом кино «закладывают за воротник» по баночке. Кой-кто по зимней привычке и теперь приходит навеселе. Больше пяти лет у нас работает заведующей клубом одна женщина. Мерзнет, не болеет и не пьет. Эксперимент удался.

А вот это школа-восемьлетка.

О ней я расскажу особо. Теперь, пожалуйста, к столу.

Александр ПШЕНИЧНИКОВ.

**Книга издана на средства детей
Александра Платоновича и Софьи Всеволодовны.**